НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Абрам Рейтблат

КЛАССИКА, СКАНДАЛ, БУЛГАРИН...

Статьи и материалы по социологии и истории литературы

Научная библиотека

Абрам Рейтблат

Классика, скандал, Булгарин… Статьи и материалы по социологии и истории русской литературы

«НЛО»

2020

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)52-8

Рейтблат А. И.

Классика, скандал, Булгарин… Статьи и материалы по социологии и истории русской литературы / А. И. Рейтблат — «НЛО», 2020 — (Научная библиотека)

ISBN 978-5-44-481423-9

А. И. Рейтблат – ведущий специалист по исторической социологии русской литературы. В своих исследованиях он рассматривает литературу как социальный институт и отдает предпочтение сюжетам, которые обычно обходят стороной литературоведы: «низовой» словесности; писателям, не удостоенным статуса классиков; механизмам формирования литературной репутации; становлению в России авторского права; писательским гонорарам; взаимодействию авторов, редакторов, цензоров, книготорговцев и т. д.
В новый сборник работ А. И. Рейтблата вошли статьи и материалы за 2014–2020 годы. Продолжая линию предшествующих исследований, автор пишет о социальных механизмах возникновения литературной классики; о социологии литературного скандала; о риторических стратегиях оправдания крепостного права в первой половине XIX века; о взаимоотношениях писателя, издателя и журналиста Ф. В. Булгарина – одного из главных героев научной деятельности Рейтблата – с современниками; о ярких судьбах давно забытых фигур: писателя Феоктиста Улегова и актрисы Елизаветы Шабельской. Все эти тексты связывает подход к литературе как явлению, которое нельзя в полной мере понять, оставив в стороне его связи с государством, экономикой, моралью, религией и другими социальными институтами.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)52-8

ISBN 978-5-44-481423-9

© Рейтблат А. И., 2020
© НЛО, 2020

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 6
Социология литературы 8
КТО, КАК, КОГДА И С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ СДЕЛАЛ РУССКУЮ КЛАССИКУ4 8
ПИСЬМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ В Х I Х ВЕКЕ, ЕЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ И ЧИТАТЕЛИ77 30
К СОЦИОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРНОГО СКАНДАЛА151 44
Конец ознакомительного фрагмента. 46

А. И. Рейтблат
Классика, скандал, Булгарин… Статьи и материалы по социологии и истории русской литературы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читательскому вниманию сборник включает работы 2014–2020 гг. На первый взгляд он довольно разнороден: тут представлены обобщающие исследования по исторической социологии русской литературы, статьи, характеризующие взгляды Ф. В. Булгарина и различные аспекты его жизни и деятельности, работы о связях Н. И. Греча и Н. А. Полевого с III отделением, биографии Е. А. Шабельской и Ф. А. Улегова. Однако состав его не случаен, он отражает три основных сюжета, которыми я занимаюсь много лет: внутренние механизмы русской литературы как социального института и ее связи с другими социальными институтами (верховная власть, органы политического надзора, цензура, книжная торговля и т. д.)[1]; жизнь и творчество Булгарина (как деятеля, выполнявшего многие социальные роли в период формирования русской литературы: писателя, журналиста, издателя, редактора, литературного критика; он тесно взаимодействовал с III отделением, цензурой, книжной торговлей, читателями и т. д.)[2]; биографии русских писателей, которых «нормальное» отечественное литературоведение чурается, выводя их за рамки литературы: сотрудников «низовой» прессы, «бульварных» писателей, лубочных литераторов и т. п.[3]

Во всех включенных в сборник работах в той или иной степени присутствует единая социологическая перспектива, для которой характерно рассмотрение литературы «как специфического социального института, основывающегося на сложном взаимодействии ролей внутри него (автор, читатель, издатель, книготорговец, критик, педагог и т. д.) и находящегося в постоянном взаимодействии с другими социальными институтами (государство, экономика, мораль, религия и т. д.)». «В моей практической историко-социологической и историко-литературной работе это нашло выражение в следующем:

во-первых, подход к литературе и печатному делу, предполагающий комплексное рассмотрение различных их элементов или в их комплексе или, если непосредственно изучается один из них, с учетом перспективы других;

во-вторых, привлечение по возможности более широкого круга источников по изучаемой теме;

в-третьих, обращение к таким предметным сферам и проблемам, которые не изучаются или почти не изучаются, поскольку не вписываются в рамки существующего дисциплинарного подразделения либо табуированы в силу устоявшихся идеологических и эстетических иерар-

[1] См. книги «От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в.» (1991), «От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы» (2009), «Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи» (2001), а также ряд статей в книге «Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы» (2014).

[2] См. книгу «Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции» (2016), а также составленный мной сборник «Видок Фиглярин: Письма и записки Ф. В. Булгарина в III отделение» (1998).

[3] См. более сотни статей в словаре: Русские писатели: Биографический словарь. 1800–1917» (М., 1989–2019. Т. 1–6), а также биографические статьи в книге «Писать поперек».

хий и предпочтений» (чтобы не повторяться, цитирую свое предисловие к сборнику «Писать поперек»).

Большая часть вошедших в сборник статей были доложены в форме докладов на научных конференциях, а потом печатались в сборниках по результатам конференций, что указано в сносках по каждой статье. Лишь аннотированная роспись булгаринских фельетонов в рубрике «Журнальная всякая всячина» печатается впервые.

Социология литературы

КТО, КАК, КОГДА И С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ СДЕЛАЛ РУССКУЮ КЛАССИКУ[4]

Теоретические посылки

Литературная классика играла чрезвычайно важную роль в русской культуре (как, впрочем, и в немецкой и во французской, в отличие, например, от американской). Однако изучение того, как она была создана и в дальнейшем пополнялась и трансформировалась, еще только начинается. Можно указать лишь несколько (впрочем, весьма ценных) работ по частным вопросам этой проблемы[5].

Если верить большинству российских литературоведов, классика возникает ниоткуда, сразу, сама собой. Происходит это просто потому, что авторы создают «произведения высоких художественный достоинств»[6]. Как правило, исследователи пишут о классике, совершенно не проблематизируя это понятие[7], и получается, что Пушкин и Гоголь родились классиками. Даже если делались попытки как-то специфицировать понятие «классика», они сводились к общим словам и никак не проясняли реальный механизм возникновения классики, как, например, в этом случае: «Классика – это не просто “образцовые” произведения художественной культуры (сама эта *эталонность* есть существенный и неотъемлемый признак классичности, хотя и не исчерпывающий ее). Классика – это те из них, которые наиболее полно отразили прогрессивные идеи и тенденции своего времени, наиболее точно воплотили особенности и, выражаясь корректнее, высшие достижения художественной практики своей эпохи, а в силу этой *экстремальности* (наибольшая полнота, точность и высота ценностной квалификации явлений данного исторического периода) – вышли за пределы своего времени, эпохи, культуры и тем самым обрели *всеобщее* (общечеловеческое) и до известных пределов *вневременное* (обобщенно-историческое) значение»[8]. Более того, этот механизм всячески затушевывался: «Субъект оценки литературных явлений как классических или неклассических – это не отдельные

---

[4] Впервые опубликовано в переводе на английский: The Making of the Russian Classic // Publishing in Tsarist Russia: A History of Print Media from Enlightenment to Revolution / Ed. Y. Tatsumi and T. Tsurumi. L.; N. Y.: Bloomsbury Academic, 2020. P. 37–68.

[5] См.: *Brooks J.* Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics // Nation and Ideology: Essays in Honor of Wayne S. Vucinich / Ed. I. Banac, J. G. Ackerman and R. Szporluk. Boulder, Colorado, 1981. P. 315–334; *Levitt M. C.* Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880. Ithaca; L., 1989 (рус. перевод: Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб., 1994); *Debreczeny P.* Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian Culture. Stanford, 1997; *Moeller-Sally S.* Gogol's Afterlife: The Evolution of a Classic in Imperial and Soviet Russia. Evanston, 2002; Acta Slavica Estonica IV: Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический литературный канон / Под ред. А. Вдовина, Р. Лейбова. Тарту, 2013; *Вдовин А., Лейбов Р.* Пушкин в школе: curriculum и литературный канон в XIX веке // Лотмановский сборник. М., 2014. Вып. 4. С. 249–261; *Vdovin A.* Dmitry Tolstoy's Classicism and the Formation of the Russian Literary Canon in the High School Curriculum // Ab Imperio. 2017. № 4. P. 108–138.

[6] Ср. у И. Н. Сухих: «…великого писателя <…> создают <…> особенные, выдающиеся качества его произведений…» (*Сухих И. Н.* Русский литературный канон XX века: формирование и функции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17. Вып. 3. С. 334).

[7] См., например: *Катаев В. Б.* Игра в осколки: судьбы русской классики в эпоху постмодернизма. М., 2002; *Хализев В. Е.* Ценностные ориентации русской классики. М., 2005; *Толстая Е. Д.* Игра в классики: русская проза XIX–XX веков. М., 2017.

[8] *Кондаков Б. В., Кондаков И. В.* Классика в свете ее современной интерпретации // Классика и современность. М., 1991. С. 21–22.

группы ценителей искусства с их пристрастиями, а сменяющие друг друга поколения читающей публики»[9].

С этим трудно согласиться. Если рассматривать классику с социологической точки, то нельзя не прийти к выводу, что она возникает на определенной стадии развития литературы и формирует ее первоначально часть литературных деятелей этой стадии.

Но начнем с определения классики. По формулировке М. Л. Гаспарова в научном литературоведческом справочнике, «классики <…> – писатели, признаваемые лучшими, образцовыми»[10]. В таком безличном определении неясно, а кто, собственно, признает их лучшими. Если сейчас, скажем, сотни тысяч людей в России признают сочинения Александры Марининой или Бориса Акунина лучшими, значит ли это, что они классики или станут таковыми? На наш взгляд, в научной литературе термин «классика» можно использовать, только если дополнить его определение указанием на тех, кто считает соответствующих авторов и произведения лучшими. С социологической точки зрения классика – это согласованные представления критиков, литературоведов, педагогов и читателей о том, кто являются ключевыми фигурами отечественной литературы.

К изучению классики существуют самые различные подходы[11]. В своем понимании классики мы исходим из разработок российских социологов литературы Б. В. Дубина и Л. Д. Гудкова, которые учитывали, в свою очередь, исследования феномена классики, проведенные Дж. Ф. Кермоудом, Г. Э. Грюнебаумом, Дж. Гиллори и др. В их понимании классика – основа института литературы вообще:

> Через отсылку к «прошлому» как «высокому» и «образцовому» устанавливаются пространственно-временные границы истории, культуры и собственно литературы в их конечности и даже окончательности как целого, упорядоченного тем самым в своем единстве и поступательном, преемственном «развитии». Классическая словесность выступает основой ориентации для возникающей как самостоятельная сфера литературы, для ищущего социальной независимости и культурной авторитетности писателя, делается мерилом его собственной продукции, источником тем, правил построения текста, норм его восприятия, интерпретации и оценки. Тем самым формирование и усвоение идеи «классики» фактически является первым имманентным, «внутренним» механизмом интеграции автономизирующейся литературной культуры, а стало быть и самостоятельной социальной системы, института литературы в его «внутренней» сложности и связности, общественной значимости и «внешней» культурной влиятельности[12].

Классика дает смысловые основания для социального института литературы и тем самым структурирует его: она является ключевым элементом литературной культуры, обеспечивая его представителей общей системой координат – литераторам дает образцы для подражания, критикам – основу для интерпретации и оценки современной литературы, педагогам – материал для преподавания языка и литературы. В литературе классика обеспечивает преемственность (традицию). Поскольку возникающие новаторские группы отталкиваются от нее, клас-

---

[9] *Хализев В. Е.* Классика как феномен исторического функционирования литературы // Там же. С. 68.

[10] Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 362.

[11] См., например: *Kermode J. F.* The Classic: Literary Images of Permanence and Change. N. Y., 1975; *Gorak J.* The Making of the Modern Canon: Genesis and Crisis of a Literary Idea. L., 1991; *Guillory J.* Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation. Chicago, 1993; The Canonical Debate Today: Crossing Disciplinary and Cultural Boundaries / Ed. Th. D'Haen, D. Damrosch, L. Papadima. Rodopi, 2011.

[12] *Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Страда В.* Литература и общество: Введение в социологию литературы. М., 1998. С. 38.

сика стимулирует литературную динамику (при этом борцы с классикой в дальнейшем сами могут быть включены в классический канон). Кроме того, она служит основой как общей социализации, давая материал и язык для обсуждения культурных ценностей в ходе обучения, так и социализации литературной, знакомя с понятиями литературы, жанра, стихотворного размера и прочих литературных норм и условностей.

Возникает классика не сама по себе, ее создают определенные группы:

> …апелляция к образцам и авторитетам «прошлого», с которыми устанавливались отношения «наследования», представила собой эффективное средство самоопределения специфических по своему составу и содержательным интересам групп в условиях интенсивной социальной мобильности и, соответственно, демократизации престижей, широкого распространения грамотности, чтения, книгопечатания, словесности массового тиражирования и обращения[13].

Произведения и их авторы включаются в классику, на наш взгляд, при условии наличия двух факторов: подходящего содержания произведений, с одной стороны, и целенаправленных действий тех, кто отвечает за создание и пополнение корпуса классики, с другой. Писатели, относимые к числу классиков, создают произведения, в которых имеется сложное сочетание разных, нередко противоречащих друг другу ценностей и которые поэтому могут быть поразному интерпретированы. Как показал Я. Мукаржовский, одни произведения имеют больше предпосылок для возникновения «эстетической ценности» в процессе взаимодействия текста и читателя, чем другие, и «независимая ценность художественного артефакта будет тем выше, чем больший пучок внеэстетических ценностей сумеет привлечь к себе артефакт и чем сильнее он сумеет динамизировать их взаимоотношения <…>»[14].

Подобные произведения могут быть посвящены разным темам, важно, чтобы в них были проблематизированы ценностные конфликты, которые актуальны для современников. При этом

> в классику <…> культурные группы «вторичных» и «третичных» интеллектуалов, специализирующиеся на рецепции, селекции и репродукции <…> только «высоких», апробированных образцов, ретроспективно отбирают <…> произведения «промежуточные», синтетические по их семантическому составу, представляемым конфликтам и проблематизируемым идеям, по функциональной структуре текста и его читательской адресации. Содержательные значения и идеи, отсылающие к новому, современному, даже злободневному, всегда соединяются в таких образцах с элементами традиционного (традиционалистского) образа мира в его целостности, единстве с «изначальным» и «высшим», соответствующими конструкциями пространства-времени, экспрессивными средствами – эстетическими конвенциями, языковыми нормами. Подобные произведения практически не бывают отмечены ни идейным радикализмом, ни экспрессивными крайностями художественного бунтарства и новаторства. Но не свойственны им и отчетливые характеристики предельной массовости. Мы чаще всего не найдем здесь ни исключительной нагрузки на актуальное тематическое многообразие, ни сведения авторского «я» к минимуму (безличной «объективности» повествования) при, напротив, максимально напряженном,

---

[13] *Дубин Б. В.* Идея «классики» и ее социальные функции // Дубин Б. В. Очерки по социологии культуры. М., 2017. С. 204.

[14] *Мукаржовский Я.* Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факты // Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства, М., 1994. С. 116.

> принудительно вовлекающем читателя в проблематику, в действие сюжете и принципиально устойчивом в своей идентичности, активно действующем в неожиданных ситуациях герое. Наконец, не будет здесь и характерной для массового искусства неизменной, не подлежащей вопрошанию и сомнению идеологической позитивности несомого образца, этической однозначности исходного (он же итоговый) образа мира[15].

Но важны предпосылки и иного рода, внешние, институциональные. Для возникновения классического канона в обществе должна существовать идея отечественной классики, то есть должна осознаваться важность для общества литературы как таковой и отечественной в частности и кроме того, необходимость иметь некий набор лучших отечественных писателей. Немаловажны также поведение автора, его социальная репутация, которая может способствовать или препятствовать успеху его произведений, а также его деятельность по продвижению своих книг. Авторы для того, чтобы стать классиками, должны получить прижизненную известность.

Ключевую роль в формировании классики играют эксперты: критики, журналисты, коллеги-литераторы, которые могут «проталкивать» представителя своего кружка или просто приятеля, преподаватели литературы и т. д.

В качестве прижизненных предпосылок для вхождения в классику можно назвать следующие (какие-то из них могут и отсутствовать): публикация критических статей, а в идеале и книг о писателе; споры критиков и ряд положительных отзывов в периодике о нем; переиздание его книг, включение его произведений в хрестоматии; издание собрания сочинений; публикация биографии и портрета; наличие инсценировок его произведений; празднование юбилея.

Но не все писатели, получившие при жизни широкую известность, обретают впоследствии статус классика. Из них выделяется некий набор авторов, который отграничивается от прочих. При этом писатель, который становится классиком, после смерти проходит (в несколько этапов) процесс канонизации[16] (если не все этапы, то хотя бы часть их). Механизмы канонизации воспроизводят во многих отношениях ту же схему, что и при канонизации святых. Однако там есть детально прописанная процедура канонизации и состав святых четко определен и вписан в святцы, а при канонизации писателей такой процедуры нет, как нет и жесткого списка, существуют фигуры с промежуточным статусом, кроме того, статус классика присваивается не навсегда, кое-кто уходит со временем из канона. Тем не менее есть много общего: тоже пишется биография, аналогичная житию святого, тоже распространяются портреты – аналог икон, тоже есть нечто вроде четьих миней – школьные программы и сборники биографий классиков.

Механизм канонизации святых был вначале перенесен на царственных особ, полководцев и т. п., а потом и на писателей: торжественные похороны, публикация развернутых некрологических статей и воспоминаний, публикация биографических книг, но у писателей добавились и новые, специфические для литературы: издание посмертного собрания сочинений, издание произведений в сериях классических книг, включение произведений в школьную программу.

---

[15] *Дубин Б. В.* Словесность классическая и массовая: литература как идеология и литература как цивилизация // Дубин Б. В. Очерки по социологии культуры. М., 2017. С. 328–329.

[16] См. об этом: *Debreczeny P.* Op. cit. P. 223–230.

Термин «классика» в русской культуре

Прежде чем переходить к истории формирования русской классики, оговорим, что нынешнее наименование феномен классики получил довольно поздно. Прилагательное «классический» проникло в русский язык во второй половине XVIII в. под влиянием французского слова «classique» (в свою очередь заимствованного из латыни) для характеристики образцовых античных писателей, но встречалось оно не часто. В 1792 г. в «Словаре Академии Российской» оно определялось следующим образом: *«Классический,* прилаг. Говорится об одних токмо сочинителях, которых сочинения в училищах приемлются за образцы, достойные подражания. Аристотель, Цицерон, Тит Ливий и проч. суть классические писатели»[17]. Но несколько позднее классическими писателями некоторые авторы стали называть и отечественных авторов. Так, В. А. Жуковский в 1809 г. упоминал «произведения старых или давно уже известных классических писателей наших»[18] и писал в 1810 г.: «Кантемир принадлежит к немногим классическим стихотворцам России <…>»[19]. Н. И. Греч в 1819 г. оговаривал, что многочисленные приводимые им в учебном пособии примеры из русской литературы – «это не пантеон литературы, в котором представлены все классические произведения…»[20].

Однако в 1820-х гг. в связи с разгоревшимися спорами о романтизме, который противопоставлялся классицизму, слова «классический» и «классик» становятся многозначными и частично возвращаются к первоначальному значению. Теперь они обычно применяются к писателям, придерживающимся ориентации на античную поэтику (в том числе и отечественным). Например, Ф. В. Булгарин критиковал «французскую классическую школу», имея в виду драматургию Расина, Корнеля и т. п. писателей[21]. Н. А. Полевой писал в 1832 г.: «Классическою литературою мы называем вообще литературу древнюю, то есть греческую и латинскую, и литературу, образованную по ложно понятым основаниям древней литературы, то есть французскую, перенятую у французов другими народами»[22].

Чаще всего, когда речь шла о тех, кого сейчас принято называть отечественными классиками, употребляли выражение «образцовые писатели» и, соответственно, говорили об «образцовых произведениях»[23]. Характерно, что профессор Московского университета (в будущем – академик) Ф. И. Буслаев в одном и том же тексте применительно к Античности употребляет термин «классик», а применительно к отечественной литературе – «русские образцовые писатели»[24].

После реформы гимназического образования 1871 г., существенно повысившей роль изучения классических языков (о ней пойдет речь далее), слово «классик» нередко употреб-

---

[17] Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Ч. 3. С. 591.

[18] *Жуковский В. А.* О критике // В. А. Жуковский – критик. М., 1985. С. 74.

[19] *Он же.* О сатире и сатирах Кантемира // Там же. С. 85.

[20] *Греч Н. И.* Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности. СПб., 1830. Ч. 1. С. V (1-е изд. – 1819).

[21] *А. Ф.* [*Булгарин Ф. В.*] Междудействие, или Разговор в театре о драматическом искусстве // Русская Талия. СПб., 1825. С. 335–336.

[22] *Полевой Н. А.* О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах // Полевой Н. А., Полевой Кс.А. Литературная критика. Л., 1990. С. 108.

[23] См., например: *Козьмин К. А., Покровский В. И.* Биографии и характеристики отечественных образцовых писателей. М., 1883; *Подопригора С.* Краткая теория словесности и биографии образцовых русских писателей. Екатеринослав, 1888; *Острогорский В. П.* Двадцать биографий образцовых русских писателей. СПб., 1890.

[24] См.: *Буслаев Ф. И.* Отзыв о программе русского языка и словесности, составленной учителями гимназии Московского учебного округа на съезде 1866 г., в Москве // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 91.

лялось в значении «преподаватель классических языков». И только в конце XIX – начале XX в. слова «классик», «классика» и «классический» в применении к русским писателям закрепились в современном значении[25].

Предыстория русской классики

Возникла русская классика не одновременно с появлением литературы в России, а значительно позже, поскольку для того, чтобы сделать классику, необходима определенная дистанция от «начала» литературы, «старые» писатели должны накопить символический авторитет. Кроме того, должна сформироваться группа «классикализаторов», которая предпримет усилия для создания классики.

Первые литературные произведения стали печататься в России в 1730-х гг., и их было очень мало. О литературе в России можно говорить с середины XVIII в., а с социологической точки зрения – с последней его трети, когда начинаются профессионализация литературного труда и выделение отдельных ролей: писателя, книгопродавца (одновременно и издателя), журналиста, а также растет читательская аудитория.

Пока литература была службой государству и литераторы занимались воспеванием деяний императоров и крупных вельмож, а лирика имела очень низкий статус, классика не была нужна. Только с автономизацией литературы, с ее отделением от государства (вехой тут был указ Екатерины II 1783 г. о вольных типографиях, по которому частным лицам разрешалось создавать типографии) у литературы стала возникать потребность в саморегулировании, в частности в классике.

Но книг и писателей в России в конце XVIII в. было мало. В газетах («Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости») печатались рекламные материалы о новых изданиях, выходили каталоги книгопродавцев и платных библиотек, активные читатели общались между собой, но в целом чтение было довольно бессистемным, многие читали что попадет в руки. В. В. Сиповский на основе анализа книгоиздания показал, что в России «в XVIII веке роман был главнейшим литературным родом, наиболее любимым и самым популярным»[26], но этот жанр и его авторы у ведущих литераторов и критиков имели низкий престиж. Кроме того, в XVIII в. принципиальных идеологических и эстетических расхождений у литераторов не было (по крайней мере до 1790-х гг.), споры шли по частным вопросам, но все были классицистами и признавали авторитет Аристотеля, Горация и Буало. Объединяющим началом были правила, а не образцы.

Как в любой литературе, существовала потребность в некотором наборе образцовых писателей и произведений, но роль классики тогда выполняли в России античные и французские писатели. Характерно приравнивание (в плане высокой похвалы) лучших отечественных писателей к античным и французским: Сумароков – «северный Расин», Фонвизин – «российский Боало», Ломоносов – «российский Пиндар» и т. п.[27]

Читателям немногочисленные отечественные литераторы были в основном известны, и их репутации формировались главным образом за счет покровительства двора и меценатов, а также в кружках и салонах. Поэтому первая попытка опубликовать историю русской литературы была сделана не на русском, а на немецком языке. В 1768 г. в лейпцигском журнале «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freyen Künste» было напечатано аноним-

---

[25] См. также: *Будагов Р. А.* Из истории семантики прилагательного *классический* // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М., 1966. С. 443–448; *Вдовин А.* Понятие «русские классики» в критике 1830–50-х гг. // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2011. Вып. 5. Ч. 1. С. 40–56.

[26] *Сиповский В. В.* Из истории русской литературы XVIII века. Опыт статистических наблюдений. СПб., 1901. С. 33.

[27] Русская литературная критика XVIII века. М., 1978. С. 194, 160, 329.

ное «Известие о некоторых российских писателях», которое побудило журналиста и писателя Н. И. Новикова издать в 1772 г. «Опыт исторического словаря о российских писателях», содержавший сведения более чем о 300 авторах. Он подчеркивал, что «все европейские народы прилагали старание о сохранении памяти своих писателей, а без того погибли бы имена всех в писаниях прославившихся мужей»[28]. Выход этого словаря показывает, что к этому времени уже возникло ощущение, что отечественная литература достаточно богата и имеет свои традиции.

С конца 1770-х гг. некоторую роль в формировании литературных традиций и «протоклассики» начинает играть возникающая литературная критика, но журналов тогда было мало, а их аудитория – очень невелика, а кроме того, выходил каждый из этих журналов недолго (преимущественно один-два года) и не успевал получить известность. В основном в них преобладали информационные сообщения о книгах, но появлялись время от времени и характеристики творчества писателей. 1770–1780-е гг. – время формирования жанра рецензии[29], но при этом лиц, которые систематически публиковали бы литературно-критические статьи и рецензии, почти не было. К концу века уже ставится вопрос о необходимости иметь литературу, отмеченную народностью, и складывается набор уважаемых и почитаемых («образцовых») отечественных писателей, при этом в публикациях фигурируют в качестве авторитетов очень немногие литераторы: А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, М. М. Херасков, Д. И. Фонвизин, В. И. Майков, Я. Б. Княжнин, И. Ф. Богданович, В. А. Озеров, И. А. Крылов, Н. М. Карамзин, И. И. Хемницер, В. П. Петров. Но эта «протоклассика» была преимущественно внутрицеховой, внутрилитературной, поскольку общество и не читало, и не ценило русскую литературу. В тот период было важно поднять социальный престиж литературы в целом, особенно отечественной, поэтому основные усилия литераторы и преподаватели русского языка обращали на это.

В начале XIX в. Карамзин констатировал: «Истинных писателей было у нас еще так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные, мысли»[30]. Через несколько лет о том же писал Жуковский: «…мы еще не богаты произведениями превосходными; наша словесность едва начинает выходить из младенчества; оригинальных русских книг весьма немного (я говорю об одних хороших) <…>»[31]. И в начале 1810-х гг. воспроизводилась эта точка зрения: «Словесность наша не совсем еще образовалась, по крайней мере в некоторых частях; молодые наши писатели не имеют еще довольно образцов пред собою, не знают, чего избегать им должно и чему следовать»[32].

В последнее десятилетие XVIII в. в России получает распространение сентиментализм и начинаются споры о языке. Языковая реформа Карамзина конца XVIII – начала XIX в. по сути поставила под вопрос и сделала архаичной предшествующую литературу, которая теперь с трудом форматировалась как классика, поскольку не могла служить образцом для подражания. С ростом популярности Карамзина авторитеты классицизма блекнут и не могут претендовать на образцовость. Оставаясь еще в разряде почитаемых, они с 1820-х гг. выпали из списка читаемых и считались авторитетами по инерции. Начинается поляризация литературного сообщества. Возникают «Беседа любителей русского слова» (1815–1818), направленная

---

[28] *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях // Новиков Н. И. Избранные сочинения. М., 1951. С. 277.

[29] См.: Очерки истории русской литературной критики. СПб., 1999. Т. 1. С. 127–128.

[30] *Карамзин Н. М.* Отчего в России мало авторских талантов? [1802] // Карамзин Н. М. Избранные сочинения. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 185.

[31] *Жуковский В. А.* О критике [1809] // В. А. Жуковский – критик. М., 1985. С. 74.

[32] *Дашков Д. В.* Нечто о журналах [1812] // Литературная критика 1800–1820-х годов. М., 1980. С. 107.

против карамзинистов, и карамзинистское литературное общество «Арзамас» (1815–1818), противостоящее «Беседе».

Кроме того, с последних десятилетий XVIII в. в России развиваются низовая литература и низовое книгоиздание, которые осознаются представителями «высокой» литературы как конкуренты в борьбе за читателя[33]. В этой ситуации в 1810-х гг., особенно после войны 1812 г., послужившей толчком к формированию национальной идеологии, усиливается потребность в отечественной классике как стабилизирующем факторе.

Начальный этап формирования русской классики

Представители узкой высокообразованной прослойки населения России (численность ее в одно и то же время не превышала, по нашей оценке, нескольких тысяч человек) мечтали, чтобы отечественная литература встала в ряд с литературами европейских народов. Трактуя Россию как народ молодой, которому предстоит великое будущее, они рассматривали литературу как цивилизующее начало и как выражение народного духа. А. Ф. Мерзляков утверждал, например, в 1819 г., что язык и словесность – «бессмертное знамение величия народного, важнейшее, нежели бесчисленные триумфы и завоевания, святая слава при жизни и неумолкающий глас после смерти, вопиющий к потомству из гробов и развалин, главная сила ума, орган наук, орудие поучения и нравов, порядка и устройства гражданского, проповедание истины, света и Бога!»[34] Через четверть века А. В. Никитенко схожим образом восхвалял литературу, называя ее «важной силой в обществе», поскольку она «действует посредством слова – а слову предоставлена власть великая, власть досозидать в человеке человека. Только она делает возможными процесс и полное образование в нем мысли – этот окончательный шаг в Царство Божие, это торжественное вступление в первенствующий сан между тварями вселенной»[35]. Возлагая такие надежды на литературу, представители этой среды напряженно ждали ее расцвета в России.

Тот же Мерзляков уже в 1813 г. писал: «Может быть некоторые скажут, что у нас литература еще весьма небогата и не может удовлетворить всем требованиям общества; что критика еще не найдет обильного для себя поля и что ею заниматься рано. Но правда ли, что мы так бедны? Для чего обижать самих себя! Мы уже имеем превосходных писателей почти во всех родах словесности!» и далее называл Державина, Ломоносова, Богдановича, Хераскова[36].

По сути, в начале XIX в. существовало несколько конкурирующих проектов классики:

– классицистский, оставшийся в наследство от XVIII в.,

– А. С. Шишкова (к нему были близки по взглядам А. С. Стурдза, М. Л. Магницкий и др.), представлявший собой эстетический ретроспективизм с опорой не на классическую Античность и французский классицизм, а на отечественную архаику, церковно-славянскую традицию (Библия, византийские и отечественные духовные писатели и т. п.). Занимая пост министра народного просвещения, Шишков в 1824 г. указывал в одном из распоряжений по Министерству народного просвещения, что «язык славянский, то есть высокий, и классическая

---

[33] См.: *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1909. Т. I. Вып. 1. С. 21–31; *Шкловский В. Б.* Матвей Комаров житель города Москвы. Л., 1929; *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001. С. 157–181; Очерки истории русской литературной критики. СПб., 1999. Т. 1. С. 98–109.

[34] *Мерзляков А. Ф.* Речь о начале, ходе и успехах словесности // Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. М., 1974. Т. 1. С. 151.

[35] *Никитенко А.* Опыт истории русской литературы. Кн. 1. Введение. СПб., 1845. С. 34, 13.

[36] *Мерзляков А. Ф.* Об изящной словесности, ее пользе, цели и правилах [1813] // Литературная критика 1800–1820-х годов. С. 140.

российская словесность (то есть произведения духовных писателей, летописи и т. п. – *А. Р.*) повсеместно должны быть вводимы и ободряемы»[37],

– карамзинистский (арзамасский), носивший компромиссный характер[38]. У карамзинистов не было отечественных предшественников, поэтому с целью самолегитимации они включили в свой «канон» ряд старых авторитетов, у которых классицистские черты были выражены менее отчетливо (список почитаемых ими авторов выглядел примерно так: Карамзин, Дмитриев, Державин, Хемницер, Озеров, Богданович, Крылов, М. Н. Муравьев). В начале XIX в. карамзинисты приложили немало усилий для выстраивания традиции и канонизации ряда отечественных писателей. В 1801–1802 гг. в Москве вышло издание с симптоматичным названием «Пантеон российских авторов» (4 тетради). Каждая тетрадь включала пять портретов с краткими справками Карамзина об изображенных лицах. Симптоматично, что среди них оказались и мифические фигуры типа Бояна, и политические деятели, и духовные писатели, и ученые (из собственно литераторов там были только Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович, Кантемир, В. К. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, Ф. А. Эмин, Майков, Н. Н. Поповский, М. И. Попов, И. С. Барков).

Стали появляться (в основном в журналах) специальные статьи о почитаемых писателях, написанные главным образом карамзинистами: «О Богдановиче и его сочинениях» (1803) Карамзина; «О басне и баснях Крылова» (1809) и «О сатире и сатирах Кантемира» (1810) Жуковского, «О жизни и сочинениях Озерова» (1817) и «Державин» (некролог; 1816) П. А. Вяземского, «Письмо к И. М. М[уравьеву]-А[постолу]. О сочинениях г. Муравьева» (1814) и «Вечер у Кантемира» (1817) К. Н. Батюшкова.

Некоторые учебные пособия того времени по литературе включали краткие очерки истории русской литературы[39]. Но еще важнее то, что в них присутствовало большое число примеров, взятых из произведений известных русских писателей, которые тем самым оказывались «на слуху».

В эти же годы началась атака на ряд старых авторитетов. А. Ф. Мерзляков в 1815 г. опубликовал статью «“Россияда”, поэма эпическая г-на Хераскова», которая наряду с почтительным обсуждением поэмы содержала и некоторую критику. А П. М. Строев в том же году писал уже гораздо более резко: «Бесспорно, Сумароков был единственным стихотворцем своего времени, но кто станет ныне восхищаться его сочинениями? Между тем Сумарокова считают стихотворцем образцовым, достойным нашего подражания», а о «Россияде» Хераскова, одной из самых известных книг XVIII в., он отзывался так: «…жаль <…>, что она не может стоять наряду с произведениями, обессмертившими имена своих сочинителей. Я думаю, даже немногие имели терпение прочитать ее»[40].

Параллельно подготовительная работа по созданию классики шла в многотомных антологиях и хрестоматиях лучших произведений отечественной поэзии и краткой прозы, которые издавались в 1810-х гг. и составлялись литераторами, выступавшими и в роли критиков. В 1810–1811 гг. вышло «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским» (В 6 ч. СПб., 1810–1815), которое, правда, не ставило задачу представить только лучшие стихотворения. Но в этом издании важную роль для канонизации играл факт включения не столько стихотворений того или иного поэта, сколько портрета (по одному в каждом томе). В издании были

---

[37] Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1824. Т. 1. С. 535.

[38] О нем см.: *Майофис М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 531–599.

[39] См., например: *Борн И. М.* Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808. С. 131–162; *Язвицкий Н. И.* Введение в науку стихотворства, или Рассуждение о начале поэзии вообще и краткое повествование восточного, еврейского, греческого, римского, древнего и среднего российского стихотворства. СПб., 1811. С. 79–127.

[40] *Строев П. М.* О «Россияде», поэме г. Хераскова [1815] // Литературная критика 1800–1820-х годов. С. 211.

представлены портреты Державина, Ломоносова, Карамзина, Дмитриева, Хераскова и Богдановича. Более важную роль сыграло вышедшее в 1815–1817 гг. под редакцией А. Ф. Воейкова, В. А. Жуковского и А. И. Тургенева двенадцатитомное «Собрание образцовых русских сочинений и переводов» (6 томов было посвящено поэзии и 6 – прозе)[41]. В это издание были включены портреты Ломоносова, Державина, Дмитриева, Крылова, Богдановича, Озерова (в томах, посвященных поэзии) и митрополита Платона (Левшина), Хераскова, Муравьева, Карамзина, Княжнина, Фонвизина (в прозаических).

Названные антологии, чрезвычайно популярные в свое время, были ориентированы на карамзинистскую версию классики[42], но в силу своего характера (большое число произведений, боязнь резко порвать с устоявшимися представлениями, коммерческий характер и в связи с этим необходимость угодить разным вкусам и т. д.) они были довольно эклектичными и в той или иной степени давали место представителям всех эстетических ориентаций. Поэтому, хотя они сыграли определенную роль в формировании классики, гораздо важнее был вклад критиков на следующем этапе.

Стремление доминировать в современности и подвести итоги развития литературы в прошлом привело в 1820-х гг. к появлению литературного журнала с отделами критики и библиографии и, соответственно, к возникновению ролей литературного критика и рецензента. Именно такой журнал осуществлял соединение тех или иных общих эстетических представлений с новыми проблематичными литературными явлениями. Здесь, в свободном обмене мнениями о книгах и авторах перед публикой, вырабатывались (а потом усваивались публикой) оценки и интерпретации, и в итоге складывалась иерархия как писателей-современников, так и авторов предшествующих поколений.

С середины 1810-х гг. в журналах и альманахах печатались обзоры книг года[43], а в первой половине 1820-х гг. сложилась система оперативного рецензирования новых произведений. Но тогда рецензий было немного, место их в журнале четко не было определено, а по форме они представляли собой то литературно-критическую статью, то письмо читателя, то информацию о факте выхода и содержании книги. По-настоящему критика стала действовать с середины 1820-х гг., когда существенно выросли тиражи журналов (с 300–500 экз. до нескольких тысяч). Одновременно существовало несколько журналов с постоянными отделами рецензий и критики, что позволяло появиться различным оценкам и трактовкам книги, давало пространство для обсуждения соответствующей проблематики и борьбы. Сформировалась и группа держателей литературных мнений – профессиональные критики-журналисты (как правило, они же выступали и в роли писателей).

Становление журналистики и литературной критики, рост числа читателей (то есть формирование публики) и попытки создать классику были тесно взаимосвязаны и свидетельствовали о начавшемся процессе автономизации и профессионализации литературы.

Большинство ведущих критиков 1820–1830-х гг. (Н. А. и К. А. Полевые, Ф. В. Булгарин, Н. И. Надеждин, О. И. Сенковский, Н. И. Греч, О. М. Сомов, В. С. Межевич) являлись в ряде аспектов социальными маргиналами. Они были профессиональными литераторами и уже в силу этого имели в русском обществе невысокий статус. Кроме того, часть их не были дворянами, часть не были русскими, часть не имели чинов. В Англии XVIII в. критики повы-

---

[41] Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах / Изданное Обществом любителей отечественной словесности. Ч. 1–6. СПб., 1815–1817; Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе / Изданное Обществом любителей отечественной словесности. Ч. 1–6. СПб., 1815–1817.

[42] См.: *Майофис М.* Указ. соч. С. 583–589.

[43] Первым начал публиковать такие обозрения Н. Греч: Обозрение русской литературы 1814 года // Сын Отечества. 1815. № 1–4; Обозрение русской литературы 1815 и 1816 годов // Сын Отечества. 1817. № 1–2; О произведениях русской словесности в 1817 году // Сын Отечества. 1818. № 1.

шали свой социальный статус за счет успеха в салонах[44], но в России в первой половине XIX в. статус самой литературы был невысок, можно было иногда продвинуться по службе с помощью литературных произведений (как, например, это было у М. Н. Загоскина и Н. В. Кукольника), но не за счет критики. Но критика позволяла повысить свой статус в рамках самой литературы – через контроль литературного поля. Умение внятно излагать свои мысли, знание старой отечественной литературы и возможность с опорой на нее оценивать современную составляли культурный капитал, благодаря которому критики могли не только заработать деньги, но и добиться уважения в литературной среде и у читательской публики. Поэтому они были заинтересованы в формировании отечественной классики, являвшейся для них важным ресурсом в борьбе за признание.

С возникновением критики старые авторитеты остаются в учебных пособиях, но большая их часть оказываются «отмененными» в современной журналистике. Более того, с распространением романтизма сама идея абсолютных авторитетов и необходимости следования правилам и ориентации на образцы становится архаичной – гений сам себе устанавливает правила. Ср. у Н. А. Полевого: «…не поэту же спрашивать у пиитиков: можно ли делать то или то! Его воображение летает, не спрашивая пиитик: падает он, тогда торжествуйте победу школьных правил; если же полет его изумляет, очаровывает сердца и души, дайте нам насладиться *новым* торжеством ума человеческого <…>»[45].

Однако в то же время в литературу проникают идеи историзма и народности и возникает потребность выстроить генеалогию отечественной литературы. Появляются работы, в которых делается попытка дать подобный обзор. В 1822 г. печатается «Опыт краткой истории русской литературы» Николая Греча, представлявший собой четвертую часть его «Учебной книги российской словесности», но выпущенный и отдельным изданием. В нем преобладают биографические справки о писателях, и книга напоминает биографический словарь, но все же тут есть элементы обобщения: выделены периоды, намечена зависимость развития литературы от системы образования и т. д. В конце того же 1822 г. в альманахе «Полярная звезда на 1823 год» публикуется статья А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России», в которой уже намечены тенденции развития литературы и есть элемент оценки писателей, а через десятилетие печатаются статьи Полевого о Державине, Жуковском и Пушкине (1832–1833), «Руководство к познанию истории литературы» В. Т. Плаксина (СПб., 1833), обширная статья «Литературные мечтания» (1834) В. Г. Белинского, в которых пересмотр литературной иерархии идет вовсю.

Литературные авторитеты журнальных рецензентов

Чтобы детально проследить процесс формирования классики, я использую далее материалы исследования, которое было осуществлено нами совместно с Б. В. Дубиным[46]. В нем ставилась задача проследить структуру и динамику литературных авторитетов рецензентов на основе упоминаний в журнальных рецензиях на новые литературные произведения, вышедшие отдельным изданием, имен тех авторов, с которыми так или иначе сравнивается рецензируемый писатель (учитывались все упоминания в рецензиях московских и петербургских (петроградских, ленинградских) литературных журналов (выходивших не чаще трех раз в месяц) за двухгодичный срок с двадцатилетним интервалом – с 1820–1821 гг. по 1997–1998 гг.).

---

[44] См.: *Kramer J. R.* The Social Role of the Literary Critic // The Sociology of Art and Literature. L., 1970. P. 437–454.

[45] *Полевой Н. А.* «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина [1825] // Полевой Н. А., Полевой Кс.А. Литературная критика. Л., 1990. С. 18.

[46] См.: *Дубин Б., Рейтблат А.* О структуре и динамике системы литературных ориентаций журнальных рецензентов (1820–1878 гг.) // Книга и чтение в зеркале социологии. М., 1990. С. 150–176; *Они же*. Литературные ориентиры современных журнальных рецензентов // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 557–570.

Подобное сравнение представляет собой сопоставление двух компонентов. Оценивая новое произведение, рецензент называет важные для него имена, подкрепляя тем самым значимость собственного суждения. Однако общезначимым высказыванием оценка рецензента может быть лишь при потенциальном учете точек зрения других участников литературного взаимодействия. Ведь если называемые критиком в качестве авторитетных писатели неизвестны читателям либо они кардинально расходятся с ним в их оценке, ему нет смысла ссылаться на них. Следовательно, можно рассматривать отсылку к значимому имени как символ значимых для рецензента других – иных ролей (издатель, писатель, читатель) или иных групп участников литературного процесса (друзей, партнеров, конкурентов и т. п.). Границы значимости писателя можно определить в таком случае, измерив символический потенциал называемого имени – место в иерархии по количеству упоминаний.

Соотнесение с уже имевшими место явлениями образует устойчивую конструкцию литературных оценок и самооценок, групповых и индивидуальных творческих программ, то есть эффективную культурную форму, лежащую в основе практически любого взаимодействия в рамках социального института литературы. Соответственно, набор писателей-классиков должен быть не очень большим, сравнительно постоянным и четко отделенным от других литераторов, поскольку он должен позволять соотносить и объединять растущее многообразие значений и образцов, служить средством их перевода друг на друга, то есть способом поддержания границ социального института литературы.

Анализ данных по первому замеру (1820–1821) показал, что тогда необходимость обосновать литературную оценку ссылкой на авторитет была уже весьма сильна (насыщенность рецензий упоминаниями – самая высокая за все годы), но набор значимых имен достаточно однороден: упоминаются, и при этом с положительной оценкой, лишь представители «настоящей» литературы прошлого. Сверхавторитетов нет, как нет и дисквалификации того или иного образца (здесь и далее указывается число упоминаний отечественных авторов за два года замера у лидеров списка упоминаний): И. Дмитриев – 9, К. Батюшков – 7, В. Жуковский – 7, И. Крылов – 6, И. Богданович, Г. Державин, М. Ломоносов – по 3. Любопытно, что лидеры упоминаний этого периода никогда впоследствии не входили в ведущую группу. В дальнейшем структура литературных авторитетов рецензентов претерпела кардинальные изменения, что указывает на то, что в этот период классика еще не сложилась.

Но даже в этом списке число классицистов минимально и они не находятся на первых местах. Характерен следующий пассаж Н. А. Полевого 1829 г., демонстрирующий, что авторитеты эпохи классицизма для него ничего не значат: «Бывали примеры – в нашей литературе и у других народов – славы литературной, казалось, огромной, изумлявшей современников, но мгновенной, перелетной, делавшейся впоследствии, даже и не у позднего потомства, шуткою и притчею. Вспомним у французов Ронсара, у нас Сумарокова и Хераскова. Не писали ль о Сумарокове, что он *русский Расин,* что в *баснях превзошел* он Лафонтена? Хераскова не называли ль *Омиром?* И где *наш Расин, наш Омир?*»[47] Даже Карамзин у него имеет значение только для своего времени, он «уже не может быть образцом ни поэта, ни романиста, ни даже прозаика русского»[48].

В 1830-х гг. в список литературных авторитетов входят лишь немногие авторы предшествующей эпохи, причем (за исключением Ломоносова и Державина) они не представляют ведущие жанры классицизма – оду и эпопею. У Плаксина в упоминавшейся выше его книге 1833 г. список ключевых фигур таков: Ломоносов, Державин, Богданович, Карамзин, Фонвизин, Княжнин, Хемницер, Крылов, Озеров, Жуковский, Батюшков, Грибоедов, Пушкин.

---

[47] *Полевой Н. А.* Poezye Adama Mickiewicza (Стихотворения Адама Мицкевича) [1829] // Полевой Н. А., Полевой Кс.А. Литературная критика. Л., 1990. С. 27.

[48] *Полевой Н. А.* История государства Российского, сочинение Н. М. Карамзина [1829] // Там же. С. 36.

И Белинский в следующем году, перечисляя наиболее ценимых современниками писателей, называет примерно тех же: Ломоносова, Державина, Богдановича, Хераскова, Петрова, Карамзина, Дмитриева, Хемницера, Крылова, Озерова, Батюшкова, Жуковского, Грибоедова, Пушкина, Баратынского и др.[49], причем, рассмотрев всех, он приходит к выводу, что по большому счету в русской литературе можно говорить только о четырех писателях: Державине, Пушкине, Крылове и Грибоедове[50]. В 1835 г. он пишет: «Сколько пало самых громких авторитетов с 1825 года по 1835? Теперь даже и боги этого десятилетия, один за другим, лишаются своих алтарей и погибают в Лете с постепенным распространением истинных понятий об изящном и знакомства с иностранными литературами. Тредьяковский, Поповский, Сумароков, Херасков, Петров, Богданович, Бобров, Капнист, г. Воейков, г. Катенин, г. Лобанов, Висковатов, Крюковской, С. Н. Глинка, Бунина, братья Измайловы, В. Пушкин, Майков, кн. Шаликов – все эти люди не только читались и приводили в восхищение, но даже почитались поэтами; этого мало, некоторые из них слыли гениями первой величины, как-то: Сумароков, Херасков, Петров и Богданович; другие были удостоены тогда почетного, но теперь потерявшего смысл титла образцовых писателей. Теперь, увы! имена одних из них известны только по преданиям о их существовании, других потому только, что они еще живы как люди, если не как поэты…»[51]. Это мнение было широко распространено. Писатель и критик Н. А. Мельгунов, принципиальный противник критических взглядов Белинского, тоже писал об «упадке литературного авторитета» в России и о том, что «еще при жизни богов бедного литературного олимпа нашего горсть смельчаков (читай – современных критиков. – *А. Р.*) дерзко изгнала их из надоблачного жилища и заставила спуститься на землю»[52].

В анализе рецензий 1840–1841 гг. нами была зафиксирована принципиально иная (по сравнению с 1820-ми гг.) картина: полностью изменился набор наиболее часто упоминаемых писателей, причем на первое место вышел А. С. Пушкин: Пушкин – 28, Г. Державин, А. Орлов и А. Сумароков – по 8, Н. Карамзин и М. Комаров – по 7, А. Бестужев-Марлинский, Н. Гоголь и М. Ломоносов – по 6 упоминаний. Низовые литераторы А. Орлов и М. Комаров присутствуют в списке как антиавторитеты, негативные примеры для сравнения, но и Сумароков, и Державин нередко упоминались для иронической или отрицательной оценки.

Данный период – время значительного разнообразия литературных установок, широты сосуществующих вкусов и программ. Н. Полевой писал в 1842 г.: «…нынешнее время в литературе и знаниях грустно и безотрадно. Правда, мы совершенно уничтожили старую, ограниченную, неверную теорию изящного, разрушили прежний трибунал поддельной литературной критики, но учредили ль мы новый, более законный, утвердили ль новую теорию, более прежней верную? Нимало. Теперь у нас десять самовластных судилищ, одно другому противоречащих, учредилось вместо одного прежнего. Каждое пишет свои уложения, издает свои постановления, уничтожает их, публикует новые, которых не слушают другие. Если надобно обозначить настоящее состояние теории и критики литературной в наше время одним словом, то самое верное слово для того будет: *безначалие*»[53].

Создание классики должно было изменить ситуацию, внести структурирующее начало, дать опору для оценки новых литературных явлений. Наиболее важную роль для формирования классики сыграли статьи Белинского, который в 1840-х гг. подвел итог спорам 1820–1830-х гг. и выработал концептуальную трактовку истории русской литературы. Отбирая литерато-

---

[49] *Белинский В. Г.* Литературные мечтания [1834] // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 22, 24.

[50] Там же. С. 100.

[51] *Белинский В. Г.* Сочинения в прозе и стихах Константина Батюшкова [1835] // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 164–165.

[52] *Мельгунов Н. А.* Журнальные выдержки // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1839. 6 мая. С. 415.

[53] *Полевой Н. А.* Несколько слов о современной русской критике // Полевой Н. А., Полевой Кс.А. Литературная критика. Л., 1990. С. 328.

ров по критериям «народности» и «верности действительности», он выделил из литературы прошлого Ломоносова, Державина, Фонвизина, Крылова, Карамзина, Грибоедова, Батюшкова, Жуковского и Пушкина. Но в русской литературе для него было важно не ее прошлое, а будущее, поэтому основное внимание он уделил «ранжированию» современной литературы, подчеркнув роль в ней тех писателей, которые были (в значительной степени под его влиянием) позднее введены в корпус классиков: Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Герцена. Отметим тут же, что влияние Белинского обусловило «блокирование» «нереалистических» тенденций при дальнейшей классикализации. Так, не отбирались в классику фантасты, например В. Ф. Одоевский, О. И. Сенковский, А. Ф. Вельтман или Н. Д. Ахшарумов, автор повести «Граждане леса» (1867), предвосхитившей и сюжет, и ценностный конфликт написанного через 80 лет «Скотного двора» Дж. Оруэлла.

Важную роль в формировании классического канона сыграло также «Полное собрание сочинений русских авторов», издаваемое А. Ф. Смирдиным. В эту серию (1846–1855), не имевшую в русском книгоиздании аналогов ни ранее, ни позднее, вошли сочинения более 30 писателей: А. О. Аблесимова, К. Н. Батюшкова, И. Ф. Богдановича, Д. В. Веневитинова, Н. И. Гнедича, Н. И. Греча, А. С. Грибоедова, Д. В. Давыдова, Г. Р. Державина, И. М. Долгорукова, Екатерины II, А. Е. Измайлова, А. Д. Кантемира, В. В. Капниста, Н. М. Карамзина, Я. Б. Княжнина, И. И. Козлова, Е. И. Кострова, М. В. Крюковского, Н. В. Кукольника, М. Ю. Лермонтова, М. В. Ломоносова, М. В. Милонова, М. Н. Муравьева, А. Н. Нахимова, В. А. Озерова, А. Погорельского (А. А. Перовского), В. Л. Пушкина, Н. Р. Судовщикова, В. К. Тредиаковского, Д. И. Фонвизина, И. И. Хемницера, причем при жизни включения в серию удостоились только давно ничего не писавший Батюшков, Греч и Кукольник. Серия, а также обсуждение ее в критике способствовали как усвоению публикой идеи русской классики, так и формированию корпуса классиков. Отметим, что книги ряда авторов (например, Пушкина, Лермонтова и Гоголя) Смирдин не смог выпустить в этой серии, поскольку не имел возможности приобрести авторские права на них.

Вскоре ситуация кардинально изменилась. По данным проведенного нами исследования, в 1860–1861 гг. представления об отечественных литературных авторитетах были уже в высокой степени согласованы: число их в целом было невелико, а средняя частота упоминаний каждого, напротив, гораздо выше, чем по всем другим замерам: И. Тургенев – 26, А. Пушкин – 25, Н. Гоголь – 23, И. Гончаров – 20, А. Писемский – 15, М. Лермонтов – 14, А. Кольцов – 13, Н. Некрасов – 11, А. Островский – 8, А. Майков, А. Фет и Н. Щедрин – по 7, А. Грибоедов и Л. Мей – по 6 упоминаний. Как видим, в отсылках преобладают современники, из писателей прошлого присутствуют только Пушкин, Грибоедов, Гоголь и Лермонтов. Но практически все названные авторы в будущем вошли в корпус русских классиков. Отметим также, что почти все из них удостоились в свое время одобрения Белинского.

С 1860-х гг. базовая структура ориентаций рецензентов остается постоянной. Среди отечественных авторов большинство составляют писатели «старших» возрастных групп: классики и «кандидаты» в классики. В дальнейшем лидеры упоминаний не выпадают из совокупной памяти рецензентов, не сменяются другими их современниками. Ретроспективного переструктурирования системы авторитетов, как и иных представлений о прошлом, кроме как в форме подобной преемственности, сознание российских критиков, видимо, не знает.

Именно в этот период наиболее отчетливо проступили характеристики и тенденции, базовые для русской литературной культуры. В этом смысле сконструированный тогда образ отечественной литературы служил далее ценностным масштабом при оценке современной литературы.

В 1880–1881 гг. основная совокупность авторитетов – авторы, значимые и в предыдущем периоде: Н. Гоголь – 16, И. Тургенев – 14, Ф. Достоевский – 12, Л. Толстой – 11, Г. Успен-

ский – 9, И. Гончаров – 8, Н. Щедрин – 6, Н. Некрасов, А. Островский, А. Писемский и А. Пушкин – по 5 упоминаний.

Период 1900–1901 гг. можно с определенной мерой условности считать временем наиболее выраженных классикалистских ориентаций в отношении к отечественной словесности. Для рецензентов этой эпохи вполне устанавливается нормативный состав высокозначимой русской литературы прошлого: Л. Толстой – 20, Ф. Достоевский и А. Пушкин – по 12, М. Лермонтов и Н. Некрасов – по 11, И. Тургенев – 10, Н. Гоголь и А. Фет по – 7, П. Боборыкин и А. К. Толстой по – 6, С. Надсон и Г. Успенский по – 5 упоминаний.

Как видим, корпус русской классики был сформирован к 1860-м гг. и с тех пор не претерпел принципиальных изменений.

Авторитеты составителей учебных хрестоматий

Анализ критики, позволяющий охарактеризовать изменения в составе корпуса авторитетов, дает представление о выработке набора классиков и идущей со временем его модификации. Но для создания классики важно и приобщение читателей (прежде всего молодого поколения) к выработанному экспертами-критиками корпусу классики. Некоторую возможность получить представление о механизме этого процесса и формируемого в результате образа классики дает другое эмпирическое исследование – анализ состава школьных хрестоматий, осуществленный группой тартуских исследователей в рамках проекта «Формирование русского литературного канона».

Русская словесность в начале XIX в. не преподавалась в гимназиях как отдельный предмет (там имелась лишь риторика), но входила в учебные планы некоторых учебных заведений[54]. В 1810-х гг. ее начинают преподавать и в некоторых гимназиях (Петербургской (1811), коммерческих Одессы и Таганрога и др.). Только уставом гимназий 1828 г. было введено преподавание отечественной литературы, и лишь в 1832 г. был утвержден единый для всех гимназий учебный план, куда был включен «Курс российской словесности»[55]. После этого стали в большом числе издаваться учебники истории русской литературы[56] и хрестоматии для учащихся, сыгравшие важную роль в унификации представлений о прошлом русской литературы и о ее классике.

С 1829 г. в течение 20 лет вышло 14 русскоязычных хрестоматий по русской литературе, причем некоторые были изданы не один раз, а самая популярная из них, «Русская хрестоматия для детей» А. Д. Галахова, впервые опубликованная в 1843 г., выдержала четыре издания. Это был мощный канал популяризации русской литературы и формирования представления о ее золотом фонде. Особо важную роль сыграла «Полная русская хрестоматия» Галахова[57], впервые вышедшая в том же 1843 г., которая впоследствии, до 1918 г., не раз перерабатывалась

---

[54] См.: *Толмачев Я. В.* Русская поэзия в пользу юношества, обучающегося в Харьковском коллегиуме. М., 1805; *Никольский А. С.* Основания российской словесности: Изданы при Государственном Адмиралтейском департаменте для морских училищ: В 2 т. СПб., 1807; *Борн И. М.* Указ. соч. (Для учащихся Главного училища св. Петра.)

[55] См.: *Беньковская Т. Е.* «Классическое» и «реальное» направления в методике преподавания литературы XVIII–XIX веков (Историко-библиографический аспект) // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2005. Т. 5. № 12. С. 266.

[56] См.: *Плаксин В. Т.* Руководство к познанию истории литературы. СПб., 1833; *Глаголев А. Г.* Умозрительные и опытные основания словесности. СПб., 1834. Ч. 4. План истории русской литературы; *Георгиевский П. Е.* Руководство к изучению русской словесности, содержащее в себе: Общие понятия об изящных искусствах, Теорию красноречия, Пиитику и Краткую историю литературы: В 4 ч. СПб., 1836; *Аскоченский В. И.* Краткое начертание истории русской литературы. Киев, 1846; *Милюков А. П.* Очерк истории русской поэзии. СПб., 1847; *Мизко Н. Д.* Столетие русской словесности. Одесса, 1849, и др.

[57] См.: *Галахов А. Д.* Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей: В 2 ч. М., 1843.

и переиздавалась; всего вышло 40 изданий. Доля текстов XVIII в. в ней была невелика, зато немало места занимали произведения современных писателей.

Анализ восьми самых распространенных хрестоматий первой половины XIX в. показал, что в них представлены произведения более чем 200 авторов, но есть писатели, к которым обращаются чаще других. Во всех восьми книгах присутствуют произведения К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, Ф. Н. Глинки, А. А. Дельвига, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, М. В. Ломоносова, А. Ф. Мерзлякова, А. С. Пушкина, а в семи – Е. А. Баратынского, А. Ф. Воейкова, Н. И. Гнедича, И. И. Хемницера, Н. М. Языкова. Показательно, что из этих самых популярных авторов только у троих (Ломоносов, Державин, Дмитриев) творчество получило признание еще в XVIII в. [58]

Любопытно, что не нашлось ни одного текста, который встречался бы во всех обследованных хрестоматиях. Это показывает, что канон тогда еще не сложился. Об этом свидетельствует и тот факт, что «большая часть произведений, встречающихся в тех или иных хрестоматиях 20-х – 40-х гг. XIX в., во второй половине столетия уже не перепечатывалась, а имена их авторов (таких, например, как С. С. Бобров, Андр.И. Тургенев, Д. И. Хвостов, П. И. Шаликов, А. С. Шишков, С. А. Ширинский-Шихматов, В. Л. Пушкин и др., а также авторов многочисленных речей, похвальных слов, проповедей) навсегда выпали из поля хрестоматийного знания и были известны лишь литераторам и специалистам»[59].

Но к 1843 г. (когда вышло первое издание хрестоматии А. Д. Галахова) сформировался набор авторов, обязательно попадавших в каждую хрестоматию: К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, А. А. Дельвиг, Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, М. В. Ломоносов, А. Ф. Мерзляков, А. С. Пушкин. Чаще всего входили в хрестоматии в эти годы Ломоносов, Державин и Дмитриев, а во второй трети XIX в. их существенно потеснили Жуковский, Батюшков, Пушкин, Баратынский и Гнедич[60].

> Формирование достаточно устойчивого «ядерного» набора авторов и произведений, который, постепенно дополняясь, переходил из хрестоматии в хрестоматию, по-настоящему совершается лишь во второй половине XIX в. Это следует связать и с постепенным формированием общего представления о классиках и корифеях и их программных текстах, и с появлением учебных программ, содержащих одобренные рекомендательные списки произведений (отчасти сформированные на основе ранних хрестоматий), и с реформой школьной системы, в результате которой издание учебной и педагогической литературы приняло совсем другой размах, и при подборе текстов составители новых хрестоматий стали в большей степени, чем ранее, ориентироваться на уже существующие[61].

Как видим, несмотря на взятый для анализа иной материал (результат деятельности не критиков, а педагогов), это исследование фиксирует те же тенденции, что и проведенное нами, – складывание устойчивого корпуса авторитетных писателей к концу 1840-х гг., что явилось, на наш взгляд, в значительной степени результатом деятельности Белинского.

---

[58] *Сенькина А.* Изящная словесность как дидактический материал: к истории русской литературной хрестоматии (первая половина XIX в.) // Acta Slavica Estonica IV: Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. С. 50.

[59] Там же. С. 51.

[60] См.: *Вдовин А., Лейбов Р.* Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Acta Slavica Estonica IV. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. С. 13.

[61] *Сенькина А.* Указ. соч. С. 51.

Нормативное закрепление корпуса классики

Критики и составители учебных хрестоматий заложили основы для создания классики, но этого было мало. Необходим был следующий этап – нормативное закрепление ее корпуса, отграничение классиков от неклассиков. Эти задачи были решены с помощью учебных программ, разработанных в начале 1850-х гг. преподавателями литературы в средней школе. Любопытно, что сделано было это впервые не в рамках общей системы образования, которой ведало Министерство народного просвещения, а в автономной системе военно-учебных заведений, которой руководил либерально настроенный Я. И. Ростовцев. Там впервые была подготовлена унифицированная программа курса изучения русского языка и русской литературы, которую разработали компетентные специалисты – профессор Московского университета Ф. И. Буслаев, имевший опыт преподавании в гимназии, и опытный педагог и историк литературы А. Д. Галахов. Авторы писали, что в ходе обучения учащиеся должны «ознакомиться только с писателями особо знаменитыми, а из прочих писателей, более близких нашему времени, удержать только тех, произведения которых доныне могут служить образцами <… >»[62]. То есть, по сути, в программе был намечен корпус русской классики, который завершался Лермонтовым и Гоголем, а в качестве наиболее важных фигур (только у них учащиеся изучали биографии) были представлены Ломоносов, Державин, Карамзин, Крылов, Жуковский, Пушкин. Основную роль в создании литературного отдела программы сыграл Галахов (Буслаев разрабатывал часть, касающуюся языка), который был поклонником Белинского и сам выступал в качестве литературного критика и писателя в «Отечественных записках», а позднее в «Современнике», где основным критиком был Белинский.

А. Вдовин и Р. Лейбов полагают, что

> с деятельностью Министерства государственных имуществ, Генерального штаба (где служил Я. Ростовцев) и Морского министерства связаны важнейшие модернизационные процессы, архитекторами и движущей силой которых были либеральные бюрократы. Их имплицитная идеология в 1840–1850-е гг. предполагала системное изучение всех сторон жизни империи (каталогизация, переписи и пр.) и преодоление технологической отсталости страны в самых разных сферах (с ориентацией на европейские образцы), стандартизацию законодательства и унификацию процессов управления. Либерализация и гуманизация военного образования, проводимые Я. И. Ростовцевым и великим князем Константином Николаевичем, потребовали тесного сотрудничества чиновников с педагогами-литераторами и университетскими профессорами. Близкие контакты Галахова и Буслаева с либеральной бюрократией и создание первой программы по литературе, таким образом, представляются глубоко закономерными[63].

На наш взгляд, либеральные бюрократы создавали только условия для подобной унификации обучения и тем самым кристаллизации классики. Но основной движущей силой разработки программы преподавания русской литературы, а вскоре создания по ее образцу и гимназического курса были педагоги и критики (Галахов, кстати, совмещал обе эти роли).

---

[62] Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях, составленный А. Галаховым и Ф. Буслаевым на основании Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений, высочайше утвержденного 24 декабря 1848 года. СПб., 1852. Паг. 3. С. 14.

[63] *Вдовин А., Лейбов Р.* Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия. С. 14.

Представленный в программе корпус классиков, с одной стороны, отражал уже сложившуюся в культуре под влиянием критики писательскую иерархию, а с другой стороны, четко закреплял ее. Показательно, что на монументе «Тысячелетие России», воздвигнутом в Великом Новгороде (1862) в честь тысячелетнего юбилея легендарного призвания варягов на Русь, на одном из фризов были представлены писатели: М. Ломоносов, Д. Фонвизин, Г. Державин, Н. Карамзин, И. Крылов, В. Жуковский, Н. Гнедич, А. Грибоедов, М. Лермонтов, А. Пушкин, Н. Гоголь. Можно считать, что это официально одобренный список ключевых классиков того времени, который кончается, как и программа, Пушкиным и Гоголем.

Завершили формирование русской классики педагоги гимназий, учитывавшие опять же оценки Белинского, А. Григорьева и других ведущих критиков. В конце 1850 – начале 1860-х гг. быстро росло число гимназий, появились педагогические журналы, проводились учительские съезды. Стало формироваться самосознание педагогов как специфической корпорации, ответственной за просвещение и воспитание молодого поколения[64]. При этом преподаванию русской литературы уделялось большое внимание как средству гуманизировать обучение. После периода разброда и разнообразия подходов в преподавании литературы Министерство народного просвещения в 1860-х гг. стало унифицировать преподаваемые курсы. Учителя русского языка и литературы, стремясь поднять престиж преподаваемой ими дисциплины и тем самым свой престиж, всячески подчеркивали в печати значимость изучения литературы. Этот предмет трактовался как средство умственного, эстетического и нравственного воспитания[65].

В 1871 г. министр народного просвещения Д. А. Толстой провел реформу среднего школьного образования, которая заключалась во введении нового типа классических гимназий, где на первый план вышло преподавание латинского и древнегреческого языков, которым уделялось существенно больше времени, чем изучению русского языка и литературы, и было исключено преподавание естествознания. Но при этом была введена стандартизованная программа преподавания русской литературы по образцу университетского курса ее истории, что поднимало статус дисциплины, приравнивая ее к математике, истории и географии (раньше она рассматривалась как средство изучения языка и обучения умению излагать на письме свои мысли)[66]. Проанализировав программы русских классических гимназий до и после толстовской реформы, А. Вдовин показал, что время, уделяемое на преподавание русских языка и литературы, сокращено не было, а усиление внимания к фольклору и древнерусской литературе способствовало «удревнению» русской классики, что повышало ее авторитет. Вдовин даже приходит к выводу, что, «несмотря на свою репутацию консерватизма и пренебрежения потребностями русского общества, “толстовский классицизм” сыграл решающую роль в повышении статуса русской литературы и продвижении вполне современной политики национальной мобилизации через школьное образование»[67]. При частичной справедливости этого тезиса, он, на наш взгляд, преувеличивает значение официальных механизмов. Не меньшее, а, может быть, и большее значение для укрепления позиций классики имела «просветительская» (т. е. пропагандистски-идеологическая, навязывающая «народу» свои культурные стандарты) деятельность русской интеллигенции (в том числе и той ее части, которая противостояла не только реформам Д. Толстого, но и всей правительственной политике).

Изучаемый материал в программах 1871 и 1877 гг. по русскому языку и словесности все так же кончался 1840-ми гг. (Лермонтовым и Гоголем). В 1879 г. появился учебник А. Д. Галахова для средних учебных заведений «История русской словесности», который приобрел большую популярность и многократно переиздавался. Для учащихся были созданы специальные

---

[64] См.: *Byford A.* Between Literary Education and Academic Learning: The Study of Literature at Secondary School in Late Imperial Russia (1860s – 1900s) // History of Education. 2004. Vol. 33. P. 640.

[65] См., например: *Стоюнин В.* О преподавании русской литературы. СПб., 1864.

[66] См.: *Byford A.* Op. cit. P. 658.

[67] *Vdovin A.* Op. cit. P. 134–135.

серии книг классиков, снабженные примечаниями и статьями: «Классная библиотека» (1869–1881), «Русская классная библиотека», издававшаяся под редакцией А. Н. Чудинова (1884–1915), «Классная библиотека» И. М. Гринцера (1913–1915) и др.

Для того чтобы конкурировать с вышедшим в школах на первое место изучением древнегреческого и латыни, педагоги стремились поднять статус отечественной словесности и прилагали всяческие усилия для прославления русской классики. Подобный акцент на ценности русской культуры вполне соответствовал идеологической «патриотической» программе царствования Александра III. Писатели-классики в этот период «пополнили пантеон русских национальных героев, включавший до этого полководцев, царей и отцов Церкви <…>»[68]. Существенную роль в этом сыграло изменение отношения к классикам со стороны властей. Если раньше они настороженно и во многом негативно относились к получившим известность писателям, то теперь, после некоторых колебаний осознав значение и влияние литературы, власти решили апроприировать классиков, присоединяясь к разного рода памятным мероприятиям, издательским инициативам и т. п. и давая творчеству классиков выгодную для себя трактовку (как лояльных власти, настроенных патриотически и в христианском духе). Подчеркивали полезность русской классики в этом аспекте и сами педагоги. Так, упоминавшийся выше Ф. И. Буслаев писал в 1866 г.:

> Вопрос о преподавании отечественного языка в наших гимназиях тесно связан с вопросами о русской национальности, о централизации и сепаратизме, которыми особенно заинтересована публицистика нашего времени. <…> Господствующий правительственный язык законно и прочно преобладает над местными наречиями провинций не потому, что на нем преподаются все предметы гимназического учения, а потому что самая литература его имеет обязательную силу, заставляющую всякого образованного человека эту литературу ведать. <…> …в программе русского языка, будет ли то для реальных или классических гимназий, должно быть заявлено полное уважение к русской национальности в лице ее лучших писателей…[69].

В этом направлении властями немало делалось для пропаганды русского языка и русской классики на «национальных окраинах», в частности в Польше и в Прибалтике. Там выходило, например, много хрестоматий по русской литературе, рассчитанных на местных учащихся[70]. С другой стороны, хотя в России издавалась масса переводных книг, произведения других (не русских) литератур народов Российской империи (например, грузинской и армянской) на русский практически не переводились (если не считать переводов с польского, но в Российскую империю входила лишь часть Польши, и польская литература воспринималась как иностранная). Характерно, что армянских поэтов и прозаиков начали переводить в России только с конца XIX в., а переводы шедевра Шоты Руставели «Витязь в тигровой шкуре» вышли на польском и немецком еще во второй половине XIX в., на английском – в 1912 г., а полный русский перевод появился только в 1933 г.

Способы поддержания престижа классики

Помимо создания корпуса классиков, необходимо было иметь механизм его поддержания (то есть механизм памяти). Главную роль в этом играли средние и начальные школы,

---

[68] *Brooks J.* Op. cit. P. 316.

[69] *Буслаев Ф. И.* Указ. соч. С. 95.

[70] См.: *Вдовин А., Лейбов Р.* Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия. С. 20–25; *Сенькина А.* Указ. соч. С. 41–42.

число которых в стране быстро росло в последней трети XIX – начале XX в., особенно в сельской местности. Поскольку быстро повышался уровень грамотности населения и увеличивалось число получивших хотя бы начальное образование, то часть их становились читателями и в той или иной степени знакомились с произведениями классиков и с их именами. Этому способствовали выпускаемые с 1870-х гг. разного рода благотворительными организациями (Санкт-Петербургский комитет грамотности, Московский комитет грамотности и др.) и издателями-просветителями многочисленные дешевые издания книг классиков[71]. Упомянем также регулярно печатавшиеся заметки о классических писателях и их портреты в выходивших большим тиражом иллюстрированных журналах и дешевых газетах[72].

Сохранению памяти о классиках способствовали также празднования юбилеев, установка памятников, создание мемориальных музеев, переиздание произведений и особенно собраний сочинений и т. д., вплоть до портретов классиков на школьных тетрадях и обертках конфет.

В России первые памятники были сооружены М. В. Ломоносову в Архангельске (1832), Н. М. Карамзину в Симбирске (ныне Ульяновск) (1845) и Г. Р. Державину в Казани (1847). В 1855 г. в Петербурге был открыт памятник И. А. Крылову, в Воронеже в 1868 г. – А. В. Кольцову. Но большинство памятников в дореволюционный период было установлено в последней четверти XIX – начале XX в. Открытие памятника А. С. Пушкину, состоявшееся в 1880 г. в Москве, стало большим общественным событием, позднее ему были открыты памятники в Петербурге (1884), Царском Селе (1900), Туле (1901), Вологде (1904) и др. Были поставлены также памятники Жуковскому в Петербурге (1887), Лермонтову в Пятигорске (1889 и 1915), Пензе (1892) и Петербурге (1896 и 1916), Гоголю в Нежине (1881), Петербурге (1896), Могилеве-Подольском (1898), Москве и Харькове (1909), Царицыне (ныне Волгоград) и селе Большие Сорочинцы (1910).

Первый писательский юбилей (Крылова) праздновался на государственном уровне в 1839 г., но широкие масштабы подобная практика приняла после Пушкинского праздника 1880 г., в конце XIX – начале XX в., когда часто отмечались как юбилеи писателей, так и годовщины их смерти[73]. У Лермонтова отмечались 40 лет со дня смерти в 1881 г., 50 лет – в 1891 г., 60 лет – в 1901 г., 100 лет со дня рождения в 1914 г.; у Гоголя – 50 лет со дня первой постановки «Ревизора» – в 1886 г., 50 лет со дня смерти – в 1902 г. и 100 лет со дня рождения – в 1909 г.; у Державина 100 лет со дня смерти – в 1916 г.[74]

Существенное значение имели публикация биографий классиков отдельными книгами[75] и выпуск полных собраний сочинений. В конце XIX – начале XX в. были изданы подготовленные академиками или известными историками литературы собрания сочинений акаде-

---

[71] Подробнее см.: *Каидзава Х.* Распространение чтения художественной литературы среди народа и формирование национальной идентичности в России (1870-е – 1917) // Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context / Ed. N. Mochizuki. Sapporo, 2008. С. 189–213; *Агафонова Я.* Классика для народа в адаптациях Постоянной комиссии по устройству народных чтений // Новое литературное обозрение. 2019. № 156. С. 77–93.

[72] См.: *Brooks J.* Op. cit. P. 324–330.

[73] См.: *Вдовин А.* Годовщина смерти литератора как праздник: к истории традиции в России (1850–1900-е гг.) // Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert) / Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв. Muenchen, 2010. С. 81–93.

[74] О преподавании литературы в гимназиях и о мерах государства по повышению престижа классиков см. подробнее: *Kaizawa H.* «The Period of Stagnation» Fostered by Publishing: The Popularization, Nationalization and Internationalization of Russian Literature in the 1880s // Publishing in Tsarist Russia: A History of Print Media from Enlightenment to Revolution / Ed. Y. Tatsumi, T. Tsurumi. L.; N. Y., 2020. P. 69–91.

[75] См., например: *Вяземский П. А.* Фон-Визин. СПб., 1848; *Кулиш П. А.* Опыт биографии Н. В. Гоголя. СПб., 1854; *Серчевский Е. Н.* Краткий очерк политической и литературной жизни А. С. Грибоедова. СПб., 1854; *Анненков П. В.* Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799–1826 гг. СПб., 1874; *Грот Я. К.* Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам: В 2 т. СПб., 1880–1883; *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886; *Висковатов П. А.* Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1891.

мического типа Г. Р. Державина (1864–1883), М. В. Ломоносова (1891–1902), Н. В. Гоголя (1889–1896), И. А. Крылова (1904–1905), А. Н. Островского (1904–1909), А. В. Кольцова (1909), А. С. Грибоедова (1911–1917), Е. А. Боратынского (1915), М. Ю. Лермонтова (1916) и Н. М. Карамзина (1917).

Любопытно отметить, что государственная цензура не вмешивалась ни в процесс формирования классики, ни в деятельность по поддержанию классического канона. Зато важную роль играла внутрицеховая цензура литературных критиков и литературоведов; попытки подвергнуть критике авторов, уже попавших в состав канона, всячески пресекались как редакциями периодических изданий, так и педагогическим сообществом. Только в моменты резких социальных и идеологических перемен в стране (как, например, в 1860-х гг.) эти цензурные нормы ослабевали и появлялись публикации, в которых содержались резкие выпады против классических авторов, как, например, в статьях Писарева.

Заключение

Как видим, создание русской классики – это достаточно долгий и сложный процесс, в котором принимали участие представители различных ролей в рамках литературы как социального института. Вначале (в XVIII в.) роль классиков выполняли античные и французские писатели, затем, когда в конце XVIII – начале XIX в. литература стала автономизироваться от государства, возникла потребность в отечественной классике и в статьях, рецензиях и кружковых обсуждениях начал формироваться классицистский канон. Он был вскоре существенно модифицирован под влиянием вошедшего в моду сентиментализма, а затем (в период 1820–1830-х гг.) подорван романтизмом, который отвергал классицистское наследие как ложное и не имеющее художественной ценности и вообще отрицал необходимость в существовании классики. В эти годы в спорах критиков, которые получили постоянную трибуну в журналах (Полевого, Булгарина, Надеждина, Сенковского, Шевырева и др.), постепенно формируется набор наиболее авторитетных литераторов, который в 1840-х гг. был (в отредактированном виде) популяризирован Белинским. Подготовленный критиками список (завершающийся Лермонтовым и Гоголем) был положен педагогами в основу хрестоматий, а затем и учебных программ средних учебных заведений, которые стали основой для обучения во второй половине XIX в. Государство в XIX в. долгое время настороженно относилось к русской литературе, но с ростом ее популярности стало прилагать усилия к использованию ее в своих целях, как одной из опор режима. Помимо введения в учебные программы этому способствовали установка памятников, празднование юбилеев и т. д. С другой стороны, интеллигенция прилагала немалые усилия для популяризации классики, издавая большими тиражами дешевые книги классиков, устраивая чтения вслух, всячески пропагандируя их в рассчитанных на низового читателя журналах и газетах и т. д.

Соединение усилий различных социальных сил дало к началу XX в. ощутимый эффект – русская классика стала известна значительной части населения страны и приобрела большой моральный авторитет как источник мудрости, нравственных ценностей и т. п. После того как в гимназическую программу в 1905 г. были включены писатели второй половины XIX в. (Тургенев, Гончаров, Островский, Некрасов, Достоевский, Л. Толстой), растянувшийся почти на век процесс создания классики по сути завершился: не только был сформирован корпус классиков, но, главное, в обществе было укоренено представление, что литературная классика – квинтэссенция национальной мудрости, одна из основ русской идентичности.

В дальнейшем набор классиков менялся очень медленно и очень слабо. Государство и государственная школьная система стремились законсервировать его, а оппозиционные силы (и политические, и культурные) поддерживали его и до революции, и в период существования СССР. Эпатажный призыв футуристов в 1912 г. «бросить классиков с парохода современно-

сти» не нашел поддержки, равно как и некоторые попытки в 1920-е гг. строить чисто пролетарскую культуру, не ориентируясь на предшествующее культурное наследие. Тогда быстро возобладал призыв «учиться у классиков». Речь в дальнейшем могла идти только о той или иной интерпретации классических произведений, а не об изменении их набора. В советское и постсоветское время ключевые фигуры корпуса классики оставались, уходили второстепенные и присоединялись немногие более поздние, но изменения эти не носили принципиального характера[76]. Попыток создать альтернативный или параллельный канон не было.

[76] См.: *Кормилов С. И.* Возникновение и формирование представления о классиках русской литературы XX века // Традиции русской классики XX века и современность. М., 2002. С. 3–9. О школьном каноне в советский и постсоветский период см.: *Павловец М.* Школьный канон как поле битвы: историческая реконструкция // Неприкосновенный запас. 2016. № 2 (106). С. 71–91; *Он же.* Школьный канон как поле битвы: купель без ребенка // Неприкосновенный запас. 2016. № 5 (109). С. 125–145.

ПИСЬМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ В X I X ВЕКЕ, ЕЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ И ЧИТАТЕЛИ[77]

Для русских читателей XX в. в качестве нормальной литературы выступала литература печатная. Конечно, нередко тексты распространялись в рукописной форме, во второй половине XX в. важную роль играл самиздат, но все это воспринималось как некие отклонения от нормы. Письменный текст попадал в руки читателя (если не был написан им самим) весьма редко и воспринимался как черновой, суррогатный, недостойный хранения. Но в XVIII–XIX вв. было далеко не так, тогда рукописная литература была равноправным элементом социальной коммуникации.

Роль письменной литературы в процессе социальной коммуникации в России в XVIII в. изучена неплохо[78], а вот в XIX в. – явно недостаточно (за исключением очень небольших ее сегментов)[79]. В данной работе мы ставим целью дать общий очерк этой литературы и ее аудитории, а также охарактеризовать ее специфические функции. Сразу же, во избежание недоразумений, оговорим, что выражение «письменная литература» употреблено достаточно условно, как аналог выражения «письменные тексты».

Начнем с краткого, но важного теоретического введения.

Прежде всего отметим, что чтение, в отличие, скажем, от устной речи, не является антропологической характеристикой человека. Скорее наоборот, в истории человечества существовали достаточно развитые культуры, в которых не было письменности. Когда же письменность появилась, к ней была причастна долгое время ничтожная часть населения. Только в XIX–XX вв. в некоторых странах чтение как форма социальной коммуникации стало присуще большинству населения, но и в XXI в. существует немало стран, где умеющие читать составляют меньшинство.

Между устной и письменной коммуникацией существуют важные различия. Устная речь обращена к представленной здесь и сейчас группе людей, она связывает людей в малые группы, а письменная изолирует людей в группе, но обеспечивает связь со всем миром. Устная речь более эмоциональна, а письменная – рациональна. Письменный текст отчуждает высказывание, позволяет не раз возвращаться к нему, анализировать, рассматривать альтернативные варианты и т. д. Он помогает освободить читателя от влияния непосредственного окружения, от навязываемых им идей и эмоций и обрести новые идеи и эмоции. В то же время письменность позволяет существенно увеличить фонд знаний и идей, которыми располагает общество в целом. По словам американского социолога Дэвида Рисмена, социальная функция чтения – «связать индивидов одного с другим посредством совместного обладания символическими формами, которые превосходят индивидуальные способности повседневного наблю-

---

[77] Впервые опубликовано: Письменная литература в России в XIX веке, ее социокультурные функции и читатели // Reading in Russia: Practices of Reading and Literary Communication, 1760–1930 / Ed. by D. Rebecchini and R. Vassena. Milano, 2014. P. 79–98. Для данного издания статья переработана и дополнена.

[78] См. обзор исследований в статье: *Бегунов Ю. К.* Рукописная литература XVIII века и демократический читатель (проблемы и задачи изучения) // Русская литература. 1977. № 1. С. 121–132; а также: *Фокина О. Н.* Рукописные сборники XVIII века: проблемы исторической типологии // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 243–262; *Базарова Т. А., Вознесенская И. А.* Рукописные сборники о Петре Великом: проблема кодикологического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 3. С. 75–84, и др.

[79] См.: *Розов Н. Н.* Зачем, кому и какая рукописная книга нужна была в России XVI–XIX столетий // Вопросы истории. 1970. № 6. С. 210–217; *Лохина Т. В.* Рукописная культура пушкинской эпохи: Источниковедческий аспект // Археографический ежегодник за 1999 г. М., 2000. С. 34–51; *Волкова В. Н.* Светская рукописная книга как отражение духовных потребностей времени // Волкова В. Н. Книга и чтение на пересечении эпох и культур: из века XIX в век XXI (Сибирские наблюдения). Новосибирск, 2009. С. 26–37.

дения, формами, которые переносят нас, по словам Ортеги, на “вершину времен”»[80]. Поэтому на ранней стадии записывались только самые важные тексты: сакральные, относящиеся к законодательству и т. д.

Но когда на определенном этапе развития общества появилась печатная коммуникация, то оказалось, что оппозиция печатное/письменное на новом этапе во многом воспроизводит оппозицию устное/письменное. Теперь письменная коммуникация выступает как более эмоциональная, а печатная – как более рациональная; письменная – как групповая (число читающих рукописные книги было очень невелико), а печатная – как универсальная, потенциально касающаяся всех.

Опять-таки на ранней стадии развития печати издавались только тексты, касающиеся наиболее важных мировоззренческих и социальных вопросов. В исследовании Натальи Варбанец «Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе» убедительно показано, что главными предпосылками возникновения книгопечатания были не столько рост городов, торговли, развитие ремесла, науки, сколько стремление ликвидировать монополию церкви на духовное знание, обеспечить право мирян на чтение Священного Писания. «Это Просвещение касалось того, что по тогдашним представлениям составляло основу человеческого бытия – отношения человека к богу, ближнему и “миру”, его пути к “вечному спасению”. <…> Только перед задачей этого Просвещения – дать каждому человеку книги, ведущие к “вечному спасению”, – развитая и вполне жизнеспособная система книгописания была наглядно бессильной: длительный труд, результатом которого был каждый раз один список, мог удовлетворить лишь нужды небольшой и в основном имущей или ученой части “христианского человечества”, оставляя другую, значительно большую его часть во власти духовенства, занятого “мирскими делами”, стяжательством и своекорыстно искажающего “божье слово”. Идее этого Просвещения в ее столкновении с умом и умением ремесленно-техническим Европа и обязана изобретением книгопечатания»[81].

Теперь остановимся на российской специфике. Если во всем мире, от Италии и Испании до Китая и Японии, книгопечатание развивалось «снизу», как частное дело, отвечающее потребностям населения, то в России оно было введено государством и долгое время являлось его монополией. И позднее, когда появились частные типографии и издатели, государство с помощью цензуры очень жестко контролировало выходящую печатную продукцию. Поэтому печать с тех пор и почти до наших дней воспринималась как официальная, воплощающая одобряемые государством ценности. Параллельно существовало распространение текстов в рукописной форме. Эти тексты были маркированы как частные, групповые, а иногда и антиправительственные, но никак не государственные.

Важно принимать во внимание еще одно обстоятельство. В России в силу ряда причин третье сословие было гораздо слабее, чем в Западной Европе, и почти не имело голоса в обсуждении государственных и социальных проблем. Как следствие, дворянство не позволяло (в том числе с помощью цензуры) выразиться в сфере печати ценностям и вкусам третьего сословия даже на уровне языка (изгонялось просторечие, объявлялись глупыми и нередко запрещались по эстетическим и моральным, а не по идеологическим соображениям лубочные картинки и книги и т. д.)[82]. В результате книги излюбленных горожанами жанров (авантюрный рыцарский роман, сатирическая повесть и т. д.) почти до конца XVIII в. вообще не могли пробиться в печать и существовали только в рукописной форме. И позднее бывали периоды (например,

[80] *Riesman D.* The Oral Tradition, the Written Word and the Screen Image. Yellow Springs, Ohio, 1955. P. 24.

[81] *Варбанец Н. В.* Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. Опыт нового прочтения материала. М., 1980. С. 286–287.

[82] См.: *Плетнева А. А.* Лубочная Библия: язык и текст. М., 2013. С. 13–21.

так называемое «мрачное семилетие» (1848–1855)), когда многие произведения такого типа, неоднократно уже издававшиеся, опять запрещались.

Поэтому параллельно с книгопечатанием существовала довольно богатая письменная литература, дополнявшая его в жанровом и тематическом отношении. А. Н. Пыпин писал: «При Петре и после литература продолжает жить по старинному, в рукописях; печать долго еще остается делом непривычным, и достойным ее считаются только вещи церковные и официальные»[83]. После появления в 1783 г. указа Екатерины II о «вольных» (то есть частных) типографиях быстро стало расти число ежегодно публикуемых произведений и репертуар печатаемых изданий резко расширился. Однако сосуществование этих двух каналов распространения текстов уже вошло в традицию, и письменная литература не исчезала и тогда, когда цензурные условия становились мягче.

Из-за характера письменной литературы, значительную часть которой составляли не одобряемые государством «вольные» (политически, морально и т. д.) произведения, оценить масштабы ее распространения довольно трудно. Более того, мемуаристы нередко из моральных или политических соображений не упоминали о фактах знакомства с такого рода литературой. Поэтому у большинства историков русской печати и русской литературы неявно существует представление, что с конца XVIII в. основу читаемого составляла печатная продукция. Однако это далеко не так. Причем если рукописная традиция XVIII в. неплохо описана[84], то ее судьба в XIX в. изучена гораздо хуже.

Тем не менее как мемуарных свидетельств, так и сохранившихся в архивах списков достаточно для вывода, что степень распространения рукописных текстов была высока и они были неотъемлемым компонентом чтения любого читателя того времени.

Поэтому есть смысл описать, хотя бы кратко, разновидности рукописной литературы и охарактеризовать практики ее чтения в XIX в., особенно в первой его половине. Основным источником информации послужат в данной работе воспоминания, использованы будут также письма того времени.

Следует остановиться на характере данных источников. В воспоминаниях нередки утверждения, что списки того или иного произведения можно было «встретить всюду», что их «читали все», «читала вся Россия» и т. п. Подобные утверждения характеризуют, разумеется, среду, к которой принадлежал автор, причем он нередко преувеличивает, чтобы достичь большей убедительности. Поэтому сообщения такого рода нужно принимать к сведению с определенной корректировкой. Информация, которую автор сообщает в мемуарах и переписке *о себе*, с нашей точки зрения, гораздо более достоверна. Но она весьма отрывочна. Поэтому только при наличии ряда сообщений мы можем полагать, что эти данные свидетельствуют не о единичном факте, а о тенденции.

Как уже было сказано, важнейшая причина функционирования текстов только в письменной форме заключается в их неофициальности.

Рукописная литература в XVIII в. существовала в значительной степени как «домашняя», предназначенная для семьи, родственников и друзей. В своей блестящей статье «“Домашняя” литература и истоки классической литературы в России» (1934) П. М. Бицилли показал, как в рамках этой литературы (воспоминания, дневники, письма), сыгравшей в России ту роль, которую в Европе сыграла литература салонов и «академий», формировался русский литературный язык, который способен «выразить любую мысль, любое переживание». По его словам, «состояние пространственного рассредоточения, в котором оказалась русская духовная аристократия, отсутствие общественной жизни, сила цензуры, запрещающей печат-

---

[83] *Пыпин А. Н.* Для любителей книжной старины: Библиогр. список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII в., М., 1888. С. IV.

[84] См., например: *Кузьмина В. Д.* Рукописная книга и лубок во второй половине XVIII века // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1947. Т. IV, ч. 2. С. 39–46; *Сперанский М. Н.* Рукописный сборник XVIII века. М., 1963.

ное слово, с другой стороны, способствуют тому, чтобы обмен между образованными людьми шел преимущественно *письменно*»[85].

В XIX в. в рукописной форме тоже распространялись *тексты, адресованные узкому дружескому или семейному кругу*.

Основными их разновидностями были альбомы, письма и воспоминания. *Альбомы* получили широкое распространение в дворянской среде в первом десятилетии XIX в. Автор середины XIX в. вспоминал, что «во время оно в альбомы писали или рисовали только самые близкие друзья; альбом служил как бы предосторожностью от влияния времени и прихотей судьбы. Молодые девушки, несколько лет сряду твердившие за одним столом историю греков и римлян, выходили из института или пансиона с альбомом, полным рифмованных вздохов и незабудок»[86]. Колоритную зарисовку ситуации заполнения и чтения альбомов на семейном вечере в помещичьем доме в дальнем уезде дал в одном из своих романов А. Чуровский: «Альбомы открываются: девизы, эмблемы, шарады рассыпаются по листочкам как капли вдохновенной росы. Мадригалы хозяйкам альбомов, эпиграммы на знакомых оригиналов; целые французские романы с грамматическими ошибками и коротенькие, слишком общие, полуфранцузские стишки <…> Вокруг этих цветков поэзии разбросаны сердца, колчаны, луки, стрелы и амуровы головки. – Барышни в простоте сердечной радуются, благодарят услужливых кавалеров и подруг, которые начертили им свои фантазии. Восхищаются тем, что для них прекрасно, смеются над тем, что смешно, – и так время проходит очень весело»[87].

Письма (обычно из провинции или из-за рубежа) были нередко довольно обширными, писались как литературные произведения, а адресат давал их читать общим знакомым[88].

Воспоминания нередко создавались для семьи или узкого круга знакомых, а автор читал их вслух или давал для прочтения близким друзьям. В XVIII – первой половине XIX в. считалось проявлением самохвальства самому публиковать воспоминания об обстоятельствах своей частной жизни. Ф. В. Булгарин, первым сделавший это, издав подобные «Воспоминания» (СПб., 1846–1849), подвергся резкой критике.

Дневник в большей степени осуществлял автокоммуникативную функцию[89]. Например, в 1838 г. художник А. Н. Мокрицкий писал в дневнике: «[Строки, внесенные в дневник,] по прошествии нескольких лет оживят в памяти моей прошедшее, испещренное в памяти моей приятными и неприятными впечатлениями. Канва, по которой игла времени и обстоятельств вышивала узор нашей жизни»[90]. Но нередко, особенно после смерти автора, с дневником знакомились и другие лица.

Но более широко циркулировали тексты иного характера.

Речь идет прежде всего о *«вольнолюбивых»* литературных произведениях (антиправительственными или антирелигиозными они, как правило, не были, так как это могло привести в Сибирь или к заключению в крепость).

Характерна история распространения «Горя от ума».

Грибоедов, завершив в 1824 г. комедию «Горе от ума», сделал попытку провести ее через цензуру, но это ему не удалось; были опубликованы лишь фрагменты (с цензурными сокраще-

---

[85] *Бицилли П.* «Домашняя» литература и истоки классической литературы в России // Toronto Slavic Quarterly. 2019. № 69. Режим доступа: http://sites.utoronto.ca/tsq/69/Bicilli69.pdf. С. 23.

[86] *Н. Р. Е.* Альбомы // Листок для светских людей. 1844. № 45/46.

[87] *Чуровский А.* Примадонна, или Дивные случаи в жизни коллежского регистратора. М., 1836. Ч. 2. С. 78–80.

[88] См.: *Степанов Н. Л.* Дружеское письмо начала XIX века; Письма Пушкина как литературный жанр // Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. М., 1966. С. 66–100; *Тодд У. М.* Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. М., 1994; *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // XVIII век. СПБ., 2013. Сб. 27. С. 131–153.

[89] См.: *Петровская Е. В.* Дневник пушкинской поры (авторское «я» в отношениях с художественной литературой) // Пушкинский сборник. Л., 1979. С. 145–154.

[90] Дневник художника А. Н. Мокрицкого. М., 1975. С. 135.

ниями) в альманахе Ф. В. Булгарина «Русская Талия» (1824). Тогда пьесу стали распространять в рукописи. Приятель Грибоедова, довольно крупный чиновник Госконтроля, вспоминал: «У меня была под руками целая канцелярия: она списала “Горе от ума” и обогатилась, потому что требовали множество списков»[91]. Другой мемуарист писал, что в 1825 г. в Петербурге «литературные деятели захотели воспользоваться предстоящими отпусками офицеров для распространения в рукописи комедии Грибоедова “Горе от ума”, не надеясь никоим образом на дозволение напечатать ее. Несколько дней сряду собирались у [А. И.] Одоевского, у которого жил Грибоедов, чтоб в несколько рук списывать комедию под диктовку»[92].

И в Москве эту пьесу «списывали нарасхват, поручая эту работу наемным, малограмотным писцам, почему в копиях было такое множество нелепейших ошибок. Молодежь читала эти копии с восторгом и заучивала наизусть многие стихи <…>»[93]. Галахов, учась в Московском университете (1822–1826), восхищался «Горем от ума», ходившим в рукописи. Он упоминает, что «математики и медики не хуже словесников знали наизусть почти всю пьесу Грибоедова <…>»[94]. Иногда по эпистолярным источникам можно проследить путь распространения пьесы. Так, Н. Языков, который тогда учился в Дерптском университете, узнав о появлении «Горя от ума», попросил своих столичных корреспондентов прислать пьесу. В феврале 1825 г. он просил знакомого поторопить «ему подручных переписчиков», в марте просил ее у брата, а в мае наконец получил ее[95]. После этого он стал сам снабжать списками знакомых. Д. Н. Свербеев вспоминал, что получил комедию от него[96].

Только в основных библиотеках и архивах Москвы хранится около 300 списков комедии[97], но это лишь ничтожная часть общего числа списков того времени. В 1830 г. Ф. Булгарин писал: «Ныне нет ни одного малого города, нет дома, где любят словесность, где б не было списка сей комедии <…>»[98].

Этот случай был далеко не единственным. Нередко произведение так широко расходилось в рукописи, что с ним знакомилась большая часть читательской аудитории. Так, «сатира Воейкова [«Дом сумасшедших», 1814] быстро разнеслась по всей грамотной России. От Зимнего дворца до темной квартиры бедного чиновника она ходила в рукописных, по большей части искаженных списках. Не появляясь нигде в печати, она тем не менее выигрывала в глазах публики. <…> Вряд ли сам Пушкин, в начале своего поприща, видел такое бурное, восторженное поклонение, какое выпало на долю Воейкова после распространения его сатиры»[99].

Сходным образом циркулировали ранние «вольнолюбивые» стихотворения А. С. Пушкина. Вот свидетельство И. Л. Якушкина: «…все его ненапечатанные сочинения: “Деревня”, “Кинжал”, “Четверостишие к Аракчееву”, “Послание к Петру Чаадаеву” и много других были не только всем известны, но в то же время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика

---

[91] Цит. по: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 274.

[92] *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. 2-е изд. СПб., [1910]. С. 100. См. также: *Каратыгин П. А.* Записки. Л., 1929. Т. 1. С. 216.

[93] *Петербургский старожил В. Б.* [*Бурнашев В. П.*] Забавный случай из жизни А. С. Грибоедова // Русский мир. 1872. № 82. 30 марта.

[94] *Галахов А. Д.* Записки человека. М., 1999. С. 87.

[95] Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829). СПб., 1913. С. 156, 164, 183.

[96] См.: *Свербеев Д. Н.* Записки (1799–1826). М., 1899. С. 227.

[97] См.: *Краснов П.* Рукописные списки «Горя от ума» в библиотеках и архивах Москвы // Вопросы литературы. 1966. № 10. С. 253–256.

[98] *Булгарин Ф.* Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // Сын Отечества и Северный архив. 1830. № 1. С. 13.

[99] *Колбасин Е.* Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859. С. 259–260. Ср.: *Балакин А. Ю.* Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 189–208.

в армии, который не знал [бы] их наизусть»[100]. Пушкин сам снабжал знакомых неопубликованными произведениями, а от них они расходились дальше[101].

Хорошее представление о механизмах распространения рукописных тестов дает цитата из письма от 24 августа 1824 г. купца А. П. Бочкова (в будущем – литератора) своему знакомому: «Пришли, сделай *Божескую милость*, “Войнаровского” [поэма К. Ф. Рылеева, изданная целиком с сильной цензурной правкой в следующем, 1825 г.] и стихи Пушкина. У меня просят их, приставая, как с ножом к горлу; за услугу такову пришлю тебе “Русалку”, сочинение Пушкина, и в непродолжительном времени отрывки из его поэм: “Онегина” и “Цыгане”. Прошу, однако ж, стихов его никому не показывать или показывать, но с большою осмотрительностию, и не говорить, от кого ты их получил. Надеюсь на тебя, как на друга»[102].

Широко распространялись в списках оды А. Н. Радищева, сатиры Д. П. Горчакова, пьеса И. А. Крылова «Трумф» («Подщипа»), стихотворения В. Л. Пушкина, К. Н. Батюшкова, К. Ф. Рылеева, В. Ф. Раевского, А. И. Одоевского, А. И. Полежаева, «Демон» М. Ю. Лермонтова[103]. Н. И. Тургенев так характеризовал период второй половины 1810-х – первой половины 1820-х гг.: «В странах, подчиненных деспотизму, общественное мнение проявляется также с помощью рукописной литературы, вроде той, которая обращалась в Франции, перед 1789 г., в форме сатирических стихов и песен. Эта литература, распространявшаяся контрабандой, указывала на направление и настроение умов в России. Тогда появилось довольно много произведений этого рода, замечательных как по силе сатиры, так и по высоте поэтического вдохновения»[104].

Довольно широко циркулировали и эпиграммы на литераторов, актеров, крупных администраторов и т. д. Кроме того, существовали такие специфические жанры, как пародии и перепевы. Как писал Д. И. Завалишин, «сильно были развиты в то время [в 1820-х гг.] <…> пародии, которые являлись во множестве на всякое новое литературное произведение; было много также [пародийных] переделок народных песен. Все они относились, правда, больше к личностям, но бывали между ними также некоторые и не лишенные политического оттенка, как, напр., относившиеся к известному Стурдзе. Особенно много было пародий на самые модные тогда произведения Пушкина: “Черная шаль” и “Бахчисарайский фонтан”. <…> Было немало пародий и на баллады Жуковского»[105].

В гораздо меньших масштабах переписывались нехудожественные тексты, так или иначе затрагивавшие политическую тематику. К их числу принадлежали *социально-политические (публицистические) произведения*. Так, Н. П. Гиляров-Платонов читал в юности в рукописи «Записку о древней и новой России» Карамзина, мнения (записки) Н. С. Мордвинова для Государственного совета, письма М. Н. Невзорова по поводу закрытия Библейского общества и т. п., причем, что характерно, снабжали его ими дворовые соседских помещиков[106]. Позднее были широко распространены «Письмо Белинского к Гоголю» (1847), в гораздо меньших мас-

---

[100] Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 365. Ср.: *Сидяков Л. С.* Распространение «Моей родословной» в списках (Из истории раннего восприятия стихотворения Пушкина) // Русская литература. 2005. № 4. С. 21–43.

[101] См. о распространении в рукописи «Братьев-разбойников»: *Степанищева Т.* К истории пушкинских «Братьев-разбойников» // Лотмановский сборник. М., 2014. Вып. 4. С. 192–195.

[102] ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 10 об. См. также: *Мандрыкина Л. А., Цявловская Т. Г.* Распространение вольнолюбивых стихов Пушкина Кавериным и Щербининым // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60, ч. 1. С. 393–404; *Бельчиков Н. Ф.* Ода «Вольность» А. С. Пушкина в войсках царской армии // Бельчиков Н. Ф. Статьи о литературе. М., 1990. С. 50–63.

[103] См.: *Эвальд В. Ф.* Из школьных воспоминаний // Русская школа. 1890. № 6. С. 80; *Милюков А.* Доброе старое время. СПб., 1872. С. 207; *С. Б.* Из недавнего прошлого // Русская старина. 1910. № 8. С. 248.

[104] *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 1915. Т. 1. С. 60.

[105] *Завалишин Д. И.* Заметка о рукописной литературе в двадцатых годах текущего столетия // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 218, 220.

[106] *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого. СПб., 2009. Т. 1. С. 198.

штабах «Авторская исповедь» Гоголя (написана в 1847 г., переписывалась и читалась в рукописи в 1852–1855 гг.)[107].

Резким толчком к распространению оппозиционной политической рукописной литературы было поражение России в Крымской войне. Анонимный автор статьи «Записка о письменной литературе» (1856) свидетельствовал: «В обществе возникла литература письменная, ускользающая от цензуры и неведомая правительству. Статьи всякого содержания ходят из рук в руки, переписываются в значительном количестве экземпляров, перевозятся из столиц в провинции и из провинций в столицы <…> в распространении письменных статей участвует почти весь образованный класс в России <…> [рукопись] передают друг другу, об ней говорят почти публично, без всякого опасения»[108]. Проиллюстрировать эти наблюдения можно воспоминаниями П. Боборыкина, который писал, что когда в конце 1850-х гг. он узнал про студенческие волнения в Казанском университете, то отправил туда своему товарищу публицистическое послание по этому поводу, содержавшее характеристику ряда профессоров. «Это “послание” имело сенсационный успех, разошлось во множестве списков, и я встречал казанцев – двадцать, тридцать лет спустя, – которые его помнили чуть не наизусть»[109]. Широко циркулировали в это время и оппозиционные стихотворения, порожденные реакцией на поражение России в Крымской войне: «Россия» и «Покаявшейся России» А. С. Хомякова, «Русскому народу» П. Л. Лаврова, «На Дунай! Туда, где новой славы…» И. С. Аксакова и др.[110]

Следует упомянуть и *воспоминания государственных и общественных деятелей*, которые содержали информацию о скрытых от глаз публики сторонах политической жизни и личностях монархов. Многие мемуары были распространены весьма широко (например, в архивах Москвы и Петербурга сохранилось не менее 46 списков записок И. В. Лопухина[111]), активно переписывались также записки княгини Е. Р. Дашковой, «Памятные записки» А. В. Храповицкого и др.). Вот характерный пример. К. Я. Булгаков писал в 1821 г. из Петербурга в Москву брату Александру: «[А. И.] Тургенев дал мне Храповицкого “Записки” и дозволил списать. Сегодня у себя в кабинете заставил списывать. Что, у тебя слюнки текут? Со временем, может быть, к тебе еще пришлю, или лучше приезжай сам читать. Чрезвычайно любопытны!» А. Я. Булгаков отвечал: «Храповицкого “Записки” я читал <…>. Вот лучшие, бесценнейшие материалы для истории, ибо тут все без прикрас и писано без намерения огласки»[112].

В рукописи функционировали и тексты, *отклонявшиеся от официальной линии в богословии*. Они были адресованы очень узкой аудитории – «своим». В качестве таковых можно назвать многочисленные труды масонов[113]. Но таких произведений было немного, и интерес к ним был не очень велик из-за религиозного индифферентизма значительной части представителей образованных слоев. Зато в народной среде тексты религиозного характера циркулировали широко. Крестьяне переписывали и хранили такие апокрифы, как «Хождение Богородицы по мукам», «Сон Богородицы», «Сказание о 12 пятницах», приписывавшееся папе римскому Клименту. Неканонические религиозные тексты были представлены прежде всего

---

[107] *Балакишина Ю. В.* Была ли услышана «чистосердечная повесть» Н. В. Гоголя? История распространения «Авторской исповеди» в списках (К постановке проблемы) // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М., 2009. Вып. 2. С. 160–170.

[108] Записка о письменной литературе // Голоса из России. Лондон: Вольная русская книгопечатня, 1856. С. 38, 40, 42. См. также: *Кременская И. К.* Рукописная публицистика и А. И. Герцен // Русская литература и журналистика в движении времени. 2012. № 1. С. 51–71.

[109] *Боборыкин П. Д.* Воспоминания. М., 1965. Т. 1. С. 182.

[110] См.: *Бельчиков Н. Ф.* Эпизод из литературно-общественной жизни 50-х годов XIX в. // Бельчиков Н. Ф. Статьи о литературе. М., 1990. С. 235–247.

[111] См.: *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991. С. 132.

[112] Братья Булгаковы. Переписка. М., 2010. С. 25.

[113] *Серков А. И.* Судьбы масонских собраний в России // 500 лет гнозиса в Европе. Гностическая традиция в печатных и рукописных книгах: Москва – Петербург. Амстердам, 1993. С. 27–34. *Горская Е.* Описание масонской библиотеки московского собирателя N. N. М., 2015; *Лихачев Н. П.* Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. СПб., 1913.

старообрядческой письменностью. Уровень грамотности старообрядцев был очень высок, «обучение церковнославянскому языку <…> было домашним. Учили старшие члены семьи или специально занимавшиеся обучением старики…». В этой среде «долго сохранялось глубокое уважение к древней книге как основному или единственному источнику “истинного” авторитета при решении всех вопросов. <…> Книжное знание было краеугольным камнем и личного авторитета, даже если в других отношениях человек и не являлся примером. Люди, собравшие большие библиотеки, были широко известны, к ним обращались за советом <…>. Грамотные старообрядцы любили пересказывать, трактовать прочитанное, использовали отсылки к книгам как аргумент при любом разговоре, особенно на морально-этические темы…»[114]. Поскольку духовная цензура не позволяла печатать старообрядческие сочинения, они распространялись в рукописях[115].

Кроме того, старые рукописные религиозные книги собирали ценители, библиофилы и исследователи, существовало немало крупных собраний религиозной рукописной книги[116]. Ценители, рассматривая подобные православные рукописные книги как ручные произведения искусства, заказывали их книгописцам и изографам[117].

Иными по характеру, но тоже квалифицируемыми тогда как «вольнолюбивые» были *порнографические и эротические* произведения.

С XVIII в. широко переписывались и читались сборники произведений И. Баркова и приписывавшихся ему стихов подражателей[118]. Судя по всему, масштабы их распространения, особенно в замкнутой мужской среде (учебные заведения, армия), были очень большими. Вот несколько свидетельств. Один из офицеров вспоминал про чтение их в кадетских корпусах в 1830-х гг.: «…чем строже корпусное начальство преследовало эти рукописи, тем более кадеты ухитрялись сохранять их и приобретать вновь. В мое прапорщичье время каждый офицер привозил с собою из корпуса целые тетради этих сочинений, у некоторых были даже большие томы, и не только с мелкими стихотворениями, но и с целыми драматическими произведениями, комедиями, водевилями и пр.; все это слыло под общим именем “барковианы”»[119].

Другой мемуарист, который с 1835 г. учился в Новгород-Северской гимназии, писал: «Как всякий запретный плод, нас сильно соблазняли произведения поэтов Пушкинской школы. У нас образовалась целая рукописная библиотека “стихов”, между которыми попадались стихотворения весьма сомнительного достоинства, хотя все они были у нас известны под именем “стихов Пушкина”. <…> Почти у каждого из нас была своя заветная тетрадь, куда вносилось все, что попадалось»[120], в том числе стихи Баркова. Вот мемуарное свидетельство о Первом кадетском корпусе в Петербурге в начале 1840-х гг.: «От кадет старших рот доходили до нас неприличные стихи, которые передавались от одного к другому, заучивались наизусть

---

[114] *Поздеева И. В.* Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховьев Камы // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982. С. 44.

[115] См.: *Серебрякова Е. И.* Старообрядческая рукописная книга и ее роль в народной культуре // «Для памяти потомству своему…»: Народный бытовой портрет в России. М., 1993. С. 54–62; *Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н.* Книжная культура старообрядцев и их четья литература // Русская книга в дореволюционной Сибири: Археография книжных памятников. Новосибирск, 1996. С. 9–39.

[116] См.: *Аксенова Г. В.* Заказчики и читатели рукописных книг конца XVIII – начала XX веков. М., 2001.

[117] См.: *Она же.* Русская рукописная книжность в историко-культурных процессах конца XVIII – начала XX веков. М., 2010.

[118] См.: *Сапов Н. С.* [*Панов С. И.*] Рукописная и печатная история Баркова и барковианы // Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Сост. А. Зорин и Н. Сапов. М., 1992. С. 353–368; *Он же.* «Барков доволен будет мной!»: О массовой барковиане XIX века // Под именем Баркова: эротическая поэзия XVIII – начала XX века / Сост. Н. С. Сапов. М., 1994. С. 5–20. См. также: Стихи не для дам: Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века / Сост. А. М. Ранчин, Н. С. Сапов. М., 1994.

[119] *Кренке В. Д.* Быт саперов 50 лет назад // Исторический вестник. 1885. № 8. С. 290.

[120] *Чалый М. К.* Воспоминания. Киев, 1890. С. 117.

и переписывались»[121]. И наконец воспоминания о 5-й петербургской прогимназии в 1881 г.: «Уже во 2-м классе вследствие крайне разношерстного состава учеников стала впервые пускать корни порнография. Появились среди учеников так называемые “книжники”, у которых ранцы были наполнены наполовину учебниками и тетрадями, а наполовину нецензурными литературными произведениями и порнографическими карточками, очевидно вследствие домашней беспризорности таких учеников. Они все это бесплатно и очень охотно предоставляли во время уроков интересующимся»[122]. Даже в Смольном институте в конце 1850-х – начале 1860-х гг. «некоторые девушки зачитывались <…> порнографической литературой, полученной тайком от братьев и кузенов юнкеров и кадетов <…>»[123]. Нередко эротические и политически оппозиционные стихи соседствовали в одних и тех же тетрадях молодых читателей[124].

Еще одной категорией широко расходившихся в списках произведений были *пасквили на конкретных лиц*. Согласно цензурному уставу произведения, в которых негативно изображены современники, запрещалось публиковать. Поэтому существовала практика широкого распространения анонимных стихотворных сатир на губернские и городские власти, местную аристократию и богачей[125]. Как правило, они появлялись в провинции, поскольку высмеиваемые были не в самых высоких чинах и риск подвергнуться серьезным преследованиям был меньше, чем в столицах.

Иной характер имели тексты, цензурные по содержанию, но *не находящие издателя или вообще не предназначенные к изданию* (из-за скромности автора или нежелания уронить свою репутацию, если автор был чиновным человеком). Это могли быть научные книги или произведения авторов-дебютантов, еще не получивших известности в литературе.

Чаще всего это были *произведения провинциальных авторов.* Наиболее интенсивно рукописная литература развивалась на севере и востоке страны. Тут сказывались как территориальная оторванность от столиц, служивших основным источником печатных изданий, и в силу этого меньшая доступность книг, так и оторванность культурная – провинциальность, близость к более архаичным формам распространения произведений, таким, которые были характерны для столиц в XVIII в. В. Н. Волкова справедливо отмечала, что «на протяжении всего XIX в. слабость местной полиграфической базы, трудности доставки и приобретения изданий, малая насыщенность произведениями печати огромных территорий делали в Сибири рукописную книгу достаточно убедительным ответом на растущие культурные запросы времени»[126]. Например, в Воронеже в начале 1850-х гг. «стихотворения Никитина распространялись по городу в рукописях и приобретали ему большую и большую известность»[127]. Нередко такие произведения были посвящены местным реалиям и интересовали главным образом местную публику.

Распространена была в провинции и региональная рукописная периодика[128]. В Иркутске Н. И. Виноградский во второй половине 1830-х гг. «несколько лет издавал рукописную газету

---

[121] *Жемчужников Л. М.* Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971. С. 42; см. также с. 48, 50.

[122] *Семенов-Тян-Шанский В. П.* То, что прошло. М., 2009. Т. 1. С. 168.

[123] *Титова Н.* [*Водовозова Е. Н.*] К. Д. Ушинский и В. И. Водовозов // Русская старина. 1887. № 2. С. 452.

[124] См.: *Сафонова Ю. А.* Вовлечение в политическое: революционное народничество 1870-х годов как сообщество читателей // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып. 2 (41). С. 68–69.

[125] См., например: *Голомбиевский А. А.* Московский бульварный стихотворец-сатирик // Русский архив. 1908. № 1. С. 298–312; *Багалей Д. И., Миллер Д. П.* История города Харькова. Харьков, 1912. Т. 2. С. 945–948; *Щапов А. П.* Сибирское общество до Сперанского // Щапов А. П. Собр. соч. СПб., 1908. Т. 3. С. 643–705; «Муравиада» (Сатирические стихи на бывшего нижегородского губернатора А. Н. Муравьева) / Публ. П. Юдина // Русская старина. 1897. № 9. С. 539–559; Вологда в воспоминаниях и путевых записках: конец XVIII – начало XX века. Вологда, 1997. С. 121–125; Скорбь киевлян о потере магдебургского права // Киевская старина. 1882. Т. 2. № 5. С. 352–357.

[126] *Волкова В. Н.* Указ. соч. С. 28.

[127] Свидетельство Н. И. Второва цит. по: *Де-Пуле М.* И. С. Никитин // Никитин И. С. Соч. Воронеж, 1869. Т. 1. С. 36.

[128] См. о ней: *Азадовский М. К.* Рукописные журналы в Восточной Сибири в первой половине XIX в. // Сборник статей

“Домашний собеседник”. Он был и редактором, и переписчиком этой газеты. Она была очень в ходу в иркутском интеллигентском кружке»[129].

Широко была распространена *рукописная периодика* и в учебных заведениях —университетах, гимназиях, семинариях[130]. Иногда она даже носила семейный характер, как в семье А. Н. и В. Н. Майковых, выпускавших в юности совместно с рядом знакомых литераторов рукописный журнал «Подснежник» (1835–1838).

В рукописной форме распространялись нередко и *пьесы*, поскольку они адресовались достаточно узкой аудитории – театральным актерам и режиссерам. Печаталась лишь небольшая их часть – произведения, созданные наиболее известными писателями и имевшие успех на сцене.

Следует упомянуть и *конспекты лекций*, создаваемые учащимися университетов, семинарий, духовных академий и используемые сначала ими самими на экзаменах, а потом переходящие «по наследству» другим поколениям студентам.

Интересно, что пьесы и профессорские лекции в последней трети XIX – начале XX в. распространялись в квазирукописной форме – в виде малотиражных литографированных изданий, воспроизводящих рукописный оригинал[131].

И наконец еще одна категория рукописных текстов – *копии уже опубликованных произведений*. Нередко мемуаристы и исследователи утверждали, что это делалось *из-за дороговизны книг или из-за невозможности купить* их. Академик Ф. И. Буслаев вспоминал про конец 1820-х – начало 1830-х гг., когда он в юности жил в Пензе: «Книги были тогда редкостью; они были наперечет; книжной лавки в Пензе не находилось, а когда достанешь у кого-нибудь желаемую книгу, дорожишь ею как диковинкою и перед тем, как воротить ее назад, непременно для себя сделаешь из нее несколько выписок, а иногда и целую повесть или поэму в стихах, не говоря уже о мелких стихотворениях, из которых мы составляли в своих тетрадках, в восьмую долю листа, целые сборники. Таким образом у каждого из нас была своя рукописная библиотечка»[132]. Буслаев писал, что у его матери был альманах «Полярная звезда» за 1824 и 1825 гг., и он «давал списывать товарищам для их рукописных библиотек» повести А. Бестужева-Марлинского «Ревельский турнир» и «Замок Нейгаузен»[133]. Педагог и литератор Н. И. Иваницкий в конце 1820-х гг. учился в Вологодской гимназии и увлекся поэзией. По его словам, «не имея средств достать ни одного порядочного автора вполне, мы [учащиеся гимназии] обыкновенно доставали рукописные тетради од Ломоносова, Державина, некоторых поэм Пушкина, сказок Дмитриева, баллад Жуковского и т. п.; все это прилежно списывали и большую часть выучивали наизусть»[134].

Приведем еще ряд свидетельств. По воспоминаниям В. П. Горчакова, в 1821 г. «страсть к альбомам и списывание стихов были общею страстью: каждая девчонка до пятнадцати лет возраста и восходя до тридцати, непременно запасалась альбомом; каждый молодой человек имел не одну, а две, три или более тетрадей стихов, дельных и недельных, позволительных и непозволительных. Нигде не напечатанные стихотворения как-то в особенности уважались

к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934. С. 275–286; *Паликова А. К.* Рукописные журналы Сибири 1900-х годов. Улан-Удэ, 1974; *Волкова В. Н.* Указ. соч. С. 32–36.

[129] *Вагин В. И.* Мои воспоминания // Мемуары сибиряков. XIX век. Новосибирск, 2003. С. 72.

[130] См.: *Крайнева Н. И.* Рукописные журналы и газеты XIX – 1-й четверти XX вв. // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1980. Вып. 2. С. 51–62.

[131] См.: *Рейтблат А. И.* Русская литографированная пьеса: ее создатели, распространители и потребители // Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 349–356.

[132] *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 61.

[133] Там же. С. 77.

[134] *Иваницкий Н. И.* Автобиография // Щукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 231.

некоторыми, несмотря на то, что стихи сами по себе и не заслуживали внимания, как по цели, так равно и по изложению»[135]. Учащийся Московской театральной школы вспоминал: «А что воспитанники полюбили литературу, доказывается тем, что почти у каждого из них [в 1820-х гг.] находились поэмы Пушкина “Евгений Онегин” (1-я часть), “Цыгане”, “Бахчисарайский фонтан” и др., стихотворения Жуковского, наконец, “Горе от ума” Грибоедова, переписанные их собственными руками»[136]. Писательница Н. С. Соханская (Кохановская), которая с 1834 г. воспитывалась в Харьковском институте, писала в своих мемуарах: «Едва только мы вышли из первейших, переступили во второй класс, как стихи начали являться к нам со всех сторон. Напрасно их преследовали, писали за них по нулю в поведении, надевали шапки, – таинственные тетрадки со стихами росли-росли <…>»[137].

Во второй половине 1830-х гг. «в гимназиях и корпусах кадетских не было такого ученика, у которого не нашлось бы двух-трех тетрадей из синей бумаги, твердой и прочной, тогда больше бывшей в употреблении по ее сравнительной дешевизне – наполненных выписками из произведений лучших поэтов»[138].

Созданием таких подборок занимались не только учащиеся. Отец философа и журналиста Н. Гилярова-Платонова, провинциальный священник, в 1830-х гг. в особой книге записывал понравившиеся стихотворения, изречения и т. д.[139]

В. И. Вагин, сын мелкого чиновника, живший в первой половине 1830-х гг. в Омске, вспоминал: «У чиновника [сослуживца отца] было списано несколько томов стихов; некоторые из них он давал мне; здесь я впервые прочитал “Кавказского пленника” и, несколько позже, “Бахчисарайский фонтан”»[140].

В таких рукописных сборниках с 1820-х гг. собирались стихи, фрагменты современной прозы, выписки из газет и опубликованных государственных документов, афоризмы[141].

Ясно, что у подобного переписывания был и другой, может быть более важный мотив; по сути это, как и собирание библиотеки, на самом деле «собирание себя». Отбирая те или иные *чужие* произведения и переписывая их, собиратель кладет на них свою печать, *присваивает их себе*. Многие мемуаристы сообщают, что одновременно стихотворение заучивалось наизусть, запечатлевалось уже не вне, а в сознании читателя, окончательно присваивалось им.

В определенной степени переписанное произведение очеловечивалось и сакрализовалось. Приведем крайний пример, но в нем в предельно гипертрофированном виде запечатлелись черты повседневной практики. Г. Шенгели в 17 лет (уже в XX в.) увлекся поэмой Брюсова «Искушение». Он не только выучил ее наизусть, но и «переписал ее микроскопическими буквами на листок тончайшей пергаментной бумаги, зашил в клочок замши и ладанкою надел на шею, с которой давно уже был предварительно сорван золотой крестик»[142].

Еще один мотив переписывания – *стремление оперативно прочесть* новое произведение.

И. И. Лажечников вспоминал, что мелкие стихотворения Пушкина, «наскоро на лоскутках бумаги, карандашом переписанные, разлетались в несколько часов огненными струями во все концы Петербурга и в несколько дней Петербургом вытверживались наизусть»[143].

---

[135] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 257.

[136] *Куликов Н. И.* Театральные воспоминания // Искусство. 1883. № 1. С. 9.

[137] *Соханская Н. С.* Автобиография. М., 1896. С. 34.

[138] *Молчанов М. М.* Полвека назад. СПб., 1892. С. 45–46.

[139] *Гиляров-Платонов Н. П.* Указ. соч. С. 35, 395–396.

[140] *Вагин В. И.* Указ. соч. С. 34–35.

[141] *Лохина Т. В.* Светский рукописный сборник в России конца XVIII – первой половины XIX века: происхождение и бытование источника // Археографический ежегодник за 1996 год. М., 1998. С. 94–111.

[142] *Шенгели Г.* Валерий Брюсов // Шенгели Г. Иноходец. М., 1997. С. 447.

[143] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 169.

Э. Перцов пишет Д. Ознобишину в январе 1824 г. из Петербурга в Казань: «Благодарю вас от искреннего сердца за доставление отрывка из Бахчисарайского фонтана; принимая оное, как знак вашего особенного ко мне расположения, я очень сожалею, что не от вас первых получил удовольствие читать такие гармоничные стихи; здесь в Петербурге многие имеют полные списки всей повести»[144].

Н. М. Языков сообщает родным из Дерпта в марте 1824 г.: «Я читал в списке “Бахчисарайский фонтан” Пушкина», а книгу получает от петербургского книгопродавца только в апреле и пишет следующее: «Прежде читал я его в списках, и при этом женских, а женщины не знают ни стопосложения, ни вообще грамматики – и тогда стихи показались мне, большею частию, не дальнего достоинства, теперь вижу, что в этой поэме они гораздо лучше прежних, уже хороших»[145].

Следует отметить и такую форму интереса к рукописной литературе, как собирательство. С начала XIX в. получает распространение коллекционирование государственных и бытовых документов, старых рукописных книг, воспоминаний, путевых записок, автографов известных людей – государственных деятелей, полководцев, писателей, ученых и т. д. Были широко известны коллекции Ф. А. Толстого, П. П. Свиньина, С. А. Соболевского, А. С. Норова, М. П. Погодина и др.[146]

Знакомство с источниками о чтении рукописной литературы в XIX в. в России демонстрирует следующее:

– В круге чтения письменные тексты занимали, возможно (за исключением очень узкой среды богатых людей, литераторов и ученых), не меньшее место, чем печатные. Во многом такая ситуация определялась узостью читательской аудитории. Во-первых, из-за малого числа читателей (особенно читателей состоятельных) книги были дороги. Во-вторых, из-за малочисленности читатели находились в тесном общении, и рукопись могла распространяться по этим каналам.

– Для читателей обращение к рукописям было обычной (повседневной) практикой, характер материального носителя не влиял существенно на характер чтения. В определенном смысле эту ситуацию можно сравнить с нынешним сосуществованием печатной и электронной книги в чтении молодежи, знакомой с электронными носителями информации и интернетом с юных лет. При определенных функциональных различиях (так, в электронной форме слабо представлены новейшие научные книги) они выступают сейчас как равноправные и во многом равноценные. Кстати отметим, что в электронной среде, как и в рукописной литературе, плохо действуют средства социального контроля, почти нет авторитетных издающих организаций, все можно получить дешево или бесплатно; тут тоже легко создавать подборки любимых произведений и к тому же нет канонического текста и нет гарантии его сохранности.

Чтение рукописной литературы облегчалось тем, что в училищах и гимназиях учили каллиграфическому письму, и у многих был хороший почерк. Кроме того, литературные произведения нередко отдавали в переписку специальным писцам, которые славились своим почерком.

– Различие было функциональным – в статусе читаемого. Печатные материалы несли наиболее общие и при этом санкционированные государством смыслы и значения, они так или иначе были официальными (хотя бы потому, что прошли апробацию цензуры – цензурное разрешение проставлялось на обороте титульного листа книги). Рукописные же тексты были в значительной степени неофициальными, приватными, а в ряде случаев и оппозиционными господствующей идеологии или правительственному курсу.

---

[144] Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете им. В. И. Ульянова-Ленина. 1929. Т. 34. Вып. 3/4. С. 177.

[145] Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829). СПб., 1913. С. 118, 128.

[146] См.: *Алексеев М. П.* Из истории русских рукописных собраний // Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков из ленинградских рукописных собраний. М.; Л., 1960. С. 7–122.

– Существовало несколько разновидностей литературы, которые бытовали только в рукописном виде и не имели печатных аналогов. Подобные произведения были нецензурными; одни из них заведомо не подавались в цензуру, другие подавались, как, например, «Горе от ума» Грибоедова, но были запрещены.

– Граница между печатной и рукописной словесностью не была жесткой. Произведения могли переходить из одной категории в другую. Одни произведения, в течение определенного времени существовавшие только в рукописном виде, как, например, «Горе от ума», позднее получали разрешение на публикацию или печатались за рубежом[147]. Другие произведения, опубликованные в свое время, в дальнейшем запрещались цензурой и включались в рукописные сборники запрещенных произведений. Примером может служить стихотворение Тютчева «Пророчество», опубликованное в «Современнике» в 1854 г., но запрещенное цензором для книги Тютчева, вышедшей позднее в том же году[148]. Специфический случай подобного перехода – проект Государственной уставной грамоты Российской империи, подготовленный в 1818 г., но не утвержденный и напечатанный польскими повстанцами в 1831 г., а позднее распространявшийся в рукописи[149]. Кроме того, нередко произведения публиковались с цензурными купюрами, а потом читатели вписывали или вклеивали туда изъятые фрагменты, создавая своеобразный симбиоз печатного и письменного, или, скажем, создавались конволюты из печатных книг и рукописей.

Хотя распространение рукописной литературы не институционализировалось (то есть не было специальных скрипториев, торговцев рукописями, общедоступных библиотек, содержащих рукописи и т. п.), однако сложились устойчивые формы ее бытования: почти у всех читателей того времени в круге чтения присутствовали рукописные тексты; многие из читателей сами переписывали тексты или отдавали для копирования писцам (за деньги или своим подчиненным); потом они обычно давали читать и копировать эти копии другим лицам; эти копии становились частью домашней библиотеки и хранились наряду с печатными книгами, а в дальнейшем с ними знакомились представители более молодых поколений семьи; на книжном рынке, особенно на провинциальных ярмарках, продавались рукописные книги и сборники, в том числе и светские.

Для социальных низов (купечество, мещанство, крестьянство, церковнослужители) рукописная литература была более значима, чем для дворянства. Если дворяне собирали тексты главным образом в печатной форме (книги и журналы), то низы и по материальным соображениям, и исходя из своих вкусов предпочитали создавать рукописные коллекции.

Власти вполне лояльно относились к этому каналу распространения текстов. Характерно, что, не разрешив Пушкину публиковать стихотворение «Друзьям», содержавшее похвалы в его адрес, Николай I наложил в то же время следующую резолюцию: «Cela peut courir, mais pas être imprimé» («Это можно распространять, но нельзя печатать»)[150]. В печати нередко встречались и не вызывали возражений цензуры упоминания широко распространяющихся в рукописи произведений, например «Горя от ума». Преследовалось только рукописное размножение текстов, содержащих критические высказывания в адрес господствующей религии и самой власти. Причем государственные органы не вели специального наблюдения за распространяемыми текстами. Дело начиналось только в случае чьего-либо доноса, как, например, в случае

---

[147] См., например, следующие издания: Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861; Свободные русские песни. [Берн], 1863; Лютня. Собрание свободных русских песен и стихотворений. Лейпциг, 1869, и др.

[148] См.: *Рейсер С.* В борьбе за свободное слово // Вольная русская поэзия второй половины XVIII – первой половины XIX века. Л., 1970. С. 53.

[149] *Чернов К. С.* Государственная уставная грамота Российской империи: к вопросу о российском конституционализме. Автореф. канд. дис. М., 2007. С. 13.

[150] Цит. по: *Зенгер Т.* Николай I – редактор Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16/18. С. 517.

следствий по поводу распространения пушкинских произведений («Андрея Шенье» в 1826–1828 гг., «Гавриилиады» в 1828 г.).

После либерализации цензуры и быстрого роста числа периодических изданий во второй половине 1850-х гг. и особенно после цензурной реформы 1865 г., освободившей от предварительной цензуры периодические издания и книги объемом более 10 печатных листов, масштабы распространения политической рукописной литературы существенно уменьшились. А с ростом числа публичных библиотек и книжных магазинов в 1870–1880-х гг. стала значительно доступнее и художественная литература, что привело и тут к уменьшению значения переписывания литературных текстов. В результате значимость письменной литературы к концу XIX в. существенно снизилась, но она не исчезла. Теперь нередко рукописи нецензурного характера нелегально литографировали, что позволяло сделать за один раз более сотни копий. Так издавались, например, «Крейцерова соната», «В чем моя вера?» и ряд других сочинений Л. Толстого. Однако распространять и хранить такие издания было опасно, поэтому параллельно продолжала существовать и рукописная литература.

К СОЦИОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРНОГО СКАНДАЛА[151]

Значение термина «литературный скандал»

Термином «литературный скандал» в средствах массовой коммуникации пользуются очень широко. Набрав его в поисковике, можно получить массу ссылок в русскоязычном секторе интернета. Правда, в основном это ссылки на материалы, опубликованные не сейчас, а ряд лет назад (свои соображения о причинах этого я выскажу далее). Так, в 2009 г. одна из телепередач цикла «Апокриф» канала «Культура» называлась «Литературный скандал: причины и следствия», а в 2018 г. на том же канале демонстрировался целый цикл «Исторические путешествия Ивана Толстого. Литературные скандалы», в 2011 г. на книжной ярмарке «Нон-фикшн» прошел круглый стол «Литературные скандалы как двигатель прогресса»[152], в 2006–2012 гг. существовал даже livejournal некоего «Сообщества литературных скандалов» под названием «Литературные скандалы's Journal».

Но подавляющее большинство подобных публикаций – это газетные и журнальные заметки, а отнюдь не серьезные научные работы. Число книг и статей исследовательского характера на эту тему очень невелико, причем не только в России, но и за рубежом. Основное внимание уделяется политическим скандалам[153], можно найти обобщающие книги о скандалах в науке и спорте, а книг с анализом функций и механики литературного скандала нет. Особенно бедна работами о литературных скандалах отечественная наука. Содержательная книга Олега Проскурина «Литературные скандалы пушкинской эпохи» (М., 2000) не соответствует своему названию: почти все вошедшие в нее статьи посвящены острым журнальным полемикам того времени, в которых ничего скандального не было. Вышли ряд сборников и даже авторская монография, посвященные феномену скандала[154], но собственно литературные скандалы там или не затрагиваются, или речь идет об отдельных скандалах. Кроме того, есть несколько статей, в которых рассмотрены конкретные скандалы, но сам феномен литературного скандала не анализируется[155]. Термина «литературный скандал» нет ни в «Краткой литературной энциклопедии», ни в «Литературном энциклопедическом словаре» (1987), ни в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001). В литературно-критическом словаре С. Чупринина «Русская литература сегодня: жизнь по понятиям» (М., 2007), не претендующем на научность, статья «Скандалы литературные» есть, но определения этого термина автор не дает.

---

[151] Впервые опубликовано: К социологии литературного скандала // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 161–182.

[152] См.: Научите русских писателей скандалу! // Литературная Россия. 2011. № 49. 9 сент.

[153] См., например: Scandals in Past and Contemporary Politics / Ed. by J. Garrard, J. L. Newell. Manchester, UK; N. Y., 2006; *Cockburn A.* A Colossal Wreck: a Road Trip through Political Scandal, Corruption, and American Culture. Brooklyn, N. Y., 2013; *Dewberry D. R.* The American Political Scandal: Free Speech, Public Discourse, and Democracy. Lanham, Maryland, 2015; *Demirhan K., Çakır-Demirhan D.* Political Scandal, Corruption, and Legitimacy in the Age of Social Media. Hershey, Pennsylvania, 2017; Political Scandal and American Pop Culture. N. Y., 2018; Skandale: Strukturen und Strategien öffentlicher Aufmerksamkeitserzeugung / Hrsg. K. Bulkow, Ch. Petersen. Wiesbaden, 2011.

[154] См.: Семиотика скандала: [сб. ст.]. Париж; М., 2008; Скандал как форма коммуникации: Сб. науч. ст. М., 2012; Скандал: сферы воздействия: Сб. науч. ст. М., 2013; *Дмитриев А. В., Сычев А. А.* Скандал: социофилософские очерки. М., 2014.

[155] См.: *Кобринский А.* «Литературная драка» как феномен литературно-художественного быта начала XX века (скандал 8 ноября 1913 года в «Бродячей собаке») // Русская культура в текстах, образах, знаках 1913 года. Киров, 2003. С. 46–53; *Степанов Б. Е.* Литературный скандал и политическое воображение: А. Проханов и его «Господин Гексоген» // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3. С. 89–104; *Богомолов Н. А.* История одного литературного скандала // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 239–254; *Шабалина Н. Н.* Литературный скандал в критике В. П. Буренина // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Т. 154. № 2. С. 145–151; *Фельдман Д. М.* Грани скандала: «Повесть непогашенной луны» Б. А. Пильняка в газетно-журнальном контексте 1920-х гг. // Вестник РГГУ. 2012. Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». № 13 (93). С. 79–106, и др.

Таким образом, в реальной литературной жизни скандал – элемент если не повседневный, то достаточно привычный, а наука о литературе ни анализировать его, ни включать термин «скандал» в свой категориальный аппарат не стремится.

Академический словарь русского языка так определяет это слово: «1. Случай, происшествие, получившие широкую огласку и позорящие его участников. 2. Ссора, сопровождаемая криками, шумом, дракой и т. п.; дебош»[156]

[156] Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. Т. 4. С. 103.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.